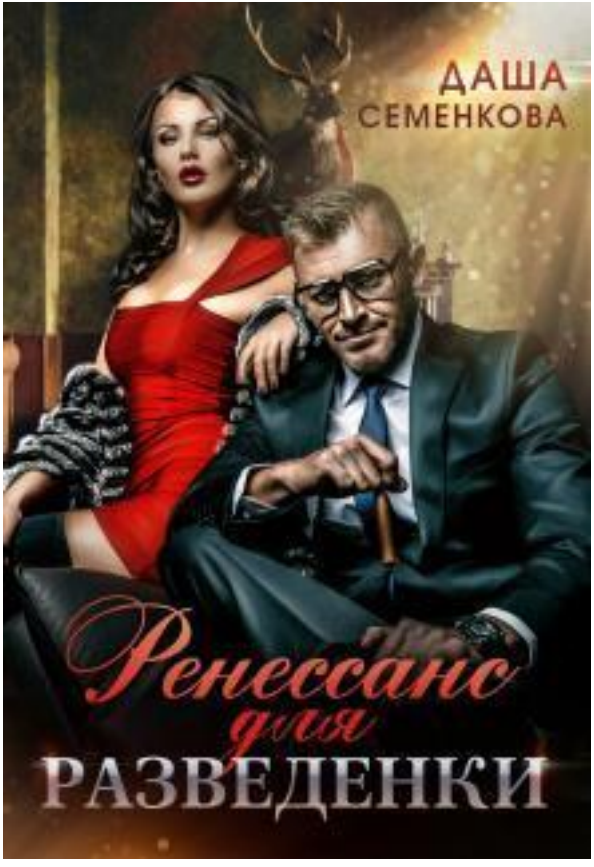

ДАША
СЕМЕНКОВА
Ренессанс
для
РАЗВЕДЕНКИ

Даша Семенкова
Ренессанс для разведенки

https://litres.ru/74782513

Аннотация

“Я считаю, разлюбил – уходи, – пишет муж. – Лучше самому освободиться и ее отпустить, чем изображать счастье, которого уже нет”. “Ты бы подумал как следует. Сколько у тебя еще таких Лен будет, не разводиться же каждый раз”, – отвечает Денис. “Нет, это другое. Я ее люблю”. Ножом по сердцу. Ведь он это не обо мне...

Что может быть хуже измены? То, что в итоге муж выбрал другую. Мой привычный мир рухнул, любовь умерла, сердце разлетелось на осколки. Только я не сдамся, начну все сначала и построю жизнь заново ради счастья дочери. Но смогу ли сама вновь стать счастливой?

Содержание

1.	4
2.	9
3.	18
4.	28
5.	34
6.	43
7.	52
8.	61
9.	66
10.	79
11.	89
12.	98
13.	108
14.	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

1.

Когда собираешься устроить кому-то сюрприз, стоит учитывать: сюрприз могут преподнести и тебе. Причем далеко не всегда приятный.

Вот я, например. Спешила к любимому мужу с радостной новостью – мама соблаговолила забрать Аришу до завтра, и в нашем с ним распоряжении целый вечер наедине. По дороге заехала в супермаркет, накупила вкусняшек. Вина взяла его любимого, думала, организую романтический ужин – у нас ведь так давно их не было, чтобы только вдвоем...

А он, оказывается, сам уже все организовал. Только не для меня.

Я еще старалась не шуметь, даже ключом не греметь в замке. Вдруг у него какое-нибудь совещание или переговоры, он жаловался, что работать припахали на все выходные.

Работать, угу. Эту работу с порога слышно, она как раз заливается неестественным, нарочито громким смехом, когда я в квартиру вхожу. Думает, видимо, что звучит будто серебряный колокольчик или как там еще говорят. Но выходит не очень, звучит как дура.

Хотя о чем я, дура тут одна. Та, за спиной которой ее обожаемый муженек в ее собственную квартиру девок водит.

А у них там музыка. Не то оглушительное нагромождение звуков, которое Стас любит слушать, пугая соседей, а что-

то мелодичное и легкое, идеальное для свидания. В любой момент можно предложить даме потанцевать, чтобы потом...

– Потанцуем? – голос мужа заставляет вздрогнуть.

Едва не роняю сумки. Аккуратно ставлю в уголок, стараясь не звякнуть стеклом.

Погодите. Что это я как шпион? В своем доме прячусь, крадусь, подслушиваю... Чего жду? Пока она к нему в штаны полезет, чтобы на горячем поймать? Или подсознательно ищу возможность незаметно уйти и притвориться, что ничего не видела?

– Хи-хи-хи, Стасик, ну какие танцы, я после роликов еле до лифта доползла, – вновь хохочет эта гиена.

И такая вдруг злость берет, что больше не раздумываю. Значит, с ребенком в парк сходить в выходной ему вечно некогда, а с какой-то шлюхой на роликах покататься время нашел!

Врываюсь в гостиную, где эта дрянь сидит на моем диване и сосет шампусик из моего фужера. Мимоходом отмечаю еще не зажженные свечи, торт и вазу с клубникой на журнальном столике.

Деловым свиданием не отбрешешься, дорогой. Тем более, гостью твою я знаю, пусть и не очень хорошо. Никаких дел у вас с ней нет и не было никогда.

Гиену зовут Лена. Ничья девушка, к компании наших друзей недавно прибилась. Мне она как-то сразу не понравилась, хотя веского повода для неприязни она до сих пор не

давала – девица как девица, ничего особенного. Предчувствие сработало, а я не прислушалась.

– Вот это да! Мне не столько обидно, что мой супруг решил гульнуть налево, сколько то, что у него оказался такой плохой вкус, – заявляю с порога, чувствуя, как внутри волной поднимается ярость. – Мог бы кого-нибудь приличнее найти, чтоб меня не позорить. Милый.

Гиена-Лена подпрыгивает от неожиданности и переводит растерянный взгляд с меня на Стаса и обратно. Ладно хоть одеты, не успели на моем диване... Или успели, и не раз?

– Юляш, это не то, что ты подумала, – бормочет он самую банальную фразу, какую только можно выдумать в этой ситуации.

– Не знала, что ты еще и мысли читать умеешь. Ты вообще полон сюрпризов, оказывается, – отзываюсь с горькой ухмылкой. – Я думала о том, сколько раз ты ее и где, пока я с твоим ребенком ходила на развивашки, ездила в гости к родителям и моталась по врачам. Достаточно только постельное белье выбросить или придется что-то из мебели сжечь?

– Не начинай, пожалуйста. Давай позже поговорим, я все объясню, – морщится он.

Успел за столько лет меня изучить, по выражению лица видит – вот-вот психану.

– Юль, ну что ты в самом деле? Мы просто встретились и решили поболтать, – вмешивается нахалка.

Лучше бы не начинала. Ее наглость переполняет чашу мо-

его терпения. Мысленно считаю до десяти, чтобы не сорваться в некрасивую истерику. Пальцы сами сжимаются в кулаки.

– Будь так добр, убери это, – коротко киваю в ее сторону, – из нашего дома.

– За словами следи, – огрызается мой все еще муж.

– Мне действительно лучше уйти, – манерно тянет она, изображая сочувственную гримасу.

Божечки, что он в ней нашел? Моль бледная, ни лица, ни фигуры, только строит из себя душевную и понимающую. Ладно бы красивая была, не так обидно было бы...

Правда, сейчас она выглядит неплохо, с этим макияжем. Как-то поярче, посвежее даже. Но все равно моль, только раскрашенная.

– Пойдем, я тебя отвезу, – говорит ей Стас, вставая.

– Спасибо, не надо, – отвечает она и выразительно косится в мою сторону. Типа о наших семейных отношениях заботится.

Ставит недопитое шампанское на стеклянный столик, поднимается, расправляя короткую юбку в обтяжку. На роликах она собиралась кататься, ага.

Смотрю на клубнику в вазе, неестественно ровную, крупную, глянцево-красную. Воображаю, как впечатываю пассию своего мужа туда лицом и вожу, пока ягоды не превратятся в пюре...

– Если сейчас уйдешь, вернешься только за вещами, – цежу сквозь зубы, глядя в его глаза. Я давно забыла, что умею

быть дерзкой. – Или можешь вообще не возвращаться, сама на помойку отнесу.

– Пойдем, – повторяет он, подталкивая ее под локоть. И говорит уже мне, недовольно: – Вернусь, когда ты успокоишься.

Она проходит мимо, не глядя. Обдавая густым шлейфом запаха духов. На дружеские посиделки она никогда так не душилась. Стас идет следом.

С ней, а не со мной. Правда не понимает, что причиняет мне боль, или делает осознанный выбор?

Они о чем-то переговариваются в подъезде. Тихо, еще и эхо искажает слова. Прислушиваюсь, но дверь быстро захлопывается, отсекая от меня звуки. Оставляя одну в пустой квартире, где все еще играет легкая музыка для романических свиданий.

2.

Весь мой боевой задор улетучивается, стоит оказаться в одиночестве. Перед кем теперь выделываться, строить из себя сильную и независимую! Когда на самом деле ноги подкашиваются, хочется сползти по стенке и завыть обиженно, как побитая собака.

И я сползаю. Прижимаюсь спиной к стене, обнимаю коленки. Тупо смотрю на брошенный на столике натюрморт. Меня будто пыльным мешком из-за угла по голове ударили – мысли едва ворочаются, ничего не чувствую. Лишь слезы текут и текут сами собой без остановки.

Что это сейчас было? Осознать никак не получается. Муж мне изменяет? Нет. Этого просто не может быть. Кто угодно, только не Стас, он в сторону других девушек никогда и не смотрит даже! Мы ведь почти не расстаемся: друзья общие, отдыхаем всегда вместе, работает он дома в основном, а я в декрете с ребенком сижу.

Может он прав: я просто все неправильно поняла и закатила истерику, не узнав, в чем дело?

Одна мелодия заканчивается, почти без паузы сменяясь другой. Чтобы не дать танцующим повод разомкнуть объятья. Неужели мой муж способен до такой степени заботится о мелочах, чтобы подобрать даже музыку... И вазу под клубнику разыскал на антресолях – я ее только для гостей достаю,

и то нечасто.

И этот человек вечно утверждал, будто понятия не имеет, где на кухне что лежит и как включается!

Так, стоп, надо успокоиться. Нечего себя накручивать, только хуже сделаю. Успокоиться, во всем разобраться и сделать адекватные выводы. Или еще лучше – срочно с кем-нибудь поговорить, иначе просто с ума сойду.

Бездумно пролистываю мессенджер. Мама. Чат «Непоседа», где я подрабатываю – веду одну из развивающих групп для малышей и заодно вожу туда Аришку. Натали. Любимый.

«Привет передавай! Уже по вам скучаю».

Последнее сообщение я прочла, когда выезжала от мамы. В радостном настроении, предвкушая сюрприз. Не тот, который в итоге получила, а который хотела устроить, разумеется.

А он, значит, был с ней когда это писал. Когда врал мне.

Нет, не надо об этом думать, не сейчас. Сейчас надо написать Наташке, как раз собирались на днях встретиться. Вот только слова не идут на ум. И я просто фотографирую торт, клубнику и шампанское с двумя бокалами и скидываю подруге.

«Ух ты! Твой что ли устроил?» – спрашивает она прежде, чем я успела оставить комментарий.

«Мой», – отвечаю я.

«Только не для меня».

Пауза. Натали набирает сообщение. Снова пауза. Что она там за манифест столько времени сочиняет, интересно?

«Ты дома? Беру такси, скоро приеду. Ничего не делай».

Даже подробностей спрашивать не стала. Значит, со стороны все предельно ясно, только я никак поверить не хочу.

И все же... Должно быть другое объяснение, простое и логичное, а то, что Стас ушел с той, другой, а не остался со мной – так это потому что обиделся. Он ведь терпеть не может, когда я с ним говорю на повышенных тонах, особенно при посторонних.

Пока Наташа едет, я каждые пять минут хватаюсь за телефон, открываю переписку с мужем – надо решиться и выяснить отношения, хоть так, через мессенджер. Попросить объяснений. Но всякий раз бросаю трубку, так и не осмелившись написать первой.

Потому что вижу неизменное: был в сети пятьдесят с чем-то минут назад. Когда писал то самое, последнее сообщение.

Наташка врывается в квартиру потоком уверенности и позитива. Как всегда, шумная, энергичная, безупречно одетая и ухоженная. Она не просто моя лучшая подруга, она идеал, на который я всегда тайно мечтала быть похожей.

Вечная активистка, первая красавица и отличница. Идеальная жена, с легкостью совмещающая семью и карьеру. Та, которую всегда и везде ставят в пример.

Вот от нее наверняка муж никогда налево не бегал...

– Эй, ты что тут, плачешь, что ли? – врубая яркий верх-

ний свет в прихожей, спрашивает она. – Так, дорогая, ну-ка быстро собралась, слезы вытерла и все мне рассказала... У тебя новые духи?

– Это не мои, – всхлипываю в ответ, еле сдерживаясь, чтобы не разреветься снова.

– Ну и хорошо, гадость же невыносимая. Пойду окна открою, проветрим. А ты пока чайник ставь, я на твоей фотке тортик видела. Или сразу? – она приподнимает пакет, в котором красноречиво звякает.

– Сразу, чай мне не поможет. Тем более Ариша у мамы до завтрашнего вечера, когда еще такой удобный случай будет.

И повод. В самом деле, чего бы не выпить за мой брак. Не чокаясь. А торт выкинуть, не надо мне ничего, что для этой дряни покупалось.

– Я тебе выкину! – донеслось из кухни. Дожили. Уже не замечаю, как мысли вслух проговариваю. – Это же "Красный бархат", мой любимый. Не хочешь – себе заберу. Клубнику только Аринке оставлю.

– Вот еще, гадость эту химозную. Аллергическую крапивницу чтобы потом лечить? И своей не дам, и твоим не позволю!

Провожаемые печальным Наташиным взглядом, сочные крупные ягоды летят в мусорное ведро. Торт она успевает отвоевать.

– Что меня в тебе поражает, Юлька, так это то, что в любой ситуации в тебе не дремлет мамаша-наседка. Ладно тебе, не

злись. Давай, рассказывай, что у вас произошло.

Ставит передо мной бокал с нашим любимым Кьянти и садится напротив. Моя исповедь совсем немного времени занимает – о чем там особо рассказывать. Натюрморт она сама видела, с Ленусей знакома.

– В общем, кажется, Станислав мне изменяет.

– Это ты называешь «кажется»? Какие тебе еще доказательства нужны, своими глазами увидеть, как она скачет у него на...

– Прекрати! И без того тошно. Да, именно что кажется. Вдруг это какое-то недоразумение, надо ведь сначала все выяснить.

Не могу я поверить, что мой муж повелся на вот это. Я ведь его хорошо знаю, все-таки больше пяти лет вместе. Или просто думала, что знаю?

Пытаюсь вспомнить какие-нибудь подозрительные моменты, но не выходит. Я и не следила за ним никогда, мы друг другу доверяем. К тому же он дизайнер, работает дома или мотается по объектам – как тут проследишь?

Разве что переписка, но он постоянно с кем-то переписывается. Когда работает над срочным заказом, до позднего вечера только затылок его вижу. И тарелки подношу.

А в последнее время у него очень много срочной работы...

Да ну. Выдумываю ерунду всякую. Он и правда делами занят, а эта... наверняка сама прилепилась. И кто ее вообще в нашу компанию притащил!

– Представляешь, как она его называла? – говорю зачем-то вслух. – Ста-а-а-асик. Какой он ей Стасик, блин!

Снова накатывает злость. Нет, не показалось, ничего мне не показалось! И если сейчас сделаю вид, что ничего не случилось – все равно что сама ему гулять налево позволю.

– Моя бабушка так тараканов называет, – отвечает Наташка.

Мы переглядываемся и нервно смеемся. И тут же слезы снова наворачиваются на глаза. Сволочь ты, Стасик. Как ты мог так с нами поступить? За что?

– Вот точно – таракан и есть. Немного не уследила, так сразу к соседям перебежал! – фыркает Наташка, отсмеявшись. – Нет, ну какая сволочь! А мы ее еще в гостях как нормального человека принимали. Теперь на порог не пущу и девчонкам скажу, чтобы...

– Не вздумай! Не хватало еще, чтобы все узнали... Погоди-ка, в каком смысле к соседям?

– Так она в соседнем доме живет, не в курсе что ли?

– Мне она не говорила. Но мы как-то не особо общались.

Вот значит что. Тогда понятно, как им за моей спиной удалось сойтись, ведь на дружеских посиделках Стас на эту Лену не обращал внимания. Должно быть, встретились на парковке. Или в парке, в те редкие дни, когда он с Аришкой один гулял. Или на кассе в супермаркете.

Знала бы – сама бы за продуктами ходила, а не его посылала. Все равно вечно что-нибудь забудет или перепутает. Не

такие они и тяжелые, эти сумки. Холодный острый камень, который сейчас мешает сердцу биться, гораздо тяжелей.

– Наташ, скажи честно – я что, хуже нее?

– Дура ты, вот что! Где ж ты хуже, когда на тебя все мужики на улице оборачиваются? Вот только... – запнулась, окинула меня скептическим взглядом.

Я внутренне сжалась в ожидании сурового вердикта. Наташка такая, в выражениях стесняться не любит. Но зато искренняя и честная – настоящий друг.

– Встряхнуться тебе надо. Высунуть наконец нос из памперсов и заняться собой. Нет, ты, конечно, прекрасная мама, я бы даже сказала, идеальная, но ведь есть и другая жизнь, не только развивашки и детские площадки. Я же помню, какая ты была!

Невольно кошусь в сторону большого зеркала. Да уж. Красота, аж страшно. Лицо зареванное, нос опух. Волосы коекак в растрепанную гульку закручены. Майка с мультяшными овощами, тонкие свободные джинсы – удобная одежда, чтобы погулять с дочкой и к бабушке ее отвезти.

В памяти возникает полупрозрачная блузка и узкая мини-юбка Лены. Умелый яркий макияж, свеженькая асимметричная стрижка и окраска, словно только что из салона выпорхнула. Как ни тяжело, но приходится признать: да, не красавица, но выглядит превосходно, холеная и стильная. И легкая на подъем. А вот я...

Когда я в последний раз у парикмахера была? На мани-

кюре? Уже и не помню. Весь уход за собой укладывается в те пятнадцать минут, на которые Стас и Ариша позволяют запереться вечером в ванной. Дольше, увы, не получается – дочка начинает хныкать, муж канючить, что не может ее успокоить.

– Слушай, Аришке всего-то год и четыре месяца, ну куда я от нее денусь? Сама видишь, какой у меня ребенок – дольше чем на пять минут не отпускает, – возражаю обиженно.

К тому же я вовсе себя не запустила, если сравнить с некоторыми мамочками, у кого детки нашего возраста. Я не растолстела, наоборот – когда кормила, весила меньше, чем до беременности. Только грудь да глаза, вот на что оборачивались упомянутые подругой мужики.

Увы, после моя женская гордость заметно уменьшилась и больше не напоминала два туго надутых мяча. Но ничего не обвисло, животик подтянутый и вообще держу себя в форме, йогой занимаюсь, слежу за питанием. А что пришлось отказаться от стрижки, маникюра и каблуков – это ведь временно!

– Что ты мне рассказываешь, у меня все это недавно в двойном размере было, – отмахивается Наташка, мама очаровательных близняшек. – Может, ты просто мало уделяешь мужу внимания, все достается ребенку? А он чувствует, будто на второй план отошел, вот и ищет на стороне...

– Ты что же, его оправдываешь?

– Нет конечно, но...

– Это ведь и его ребенок! – восклицаю в ответ. Получается громче, чем рассчитывала. – Которого он сам просил, между прочим, я бы может подождала год или два.

Пить я совсем отвыкла за долгое время, пока ходила беременной и кормила. И раньше не была особо стойкой, теперь же для опьянения хватало одного бокала вина. Сейчас я допиваю второй.

Наташка смотрит с сомнением. Интересуется, не пора ли с алкоголем на сегодня заканчивать, но мне уже море по колено. Душа просит продолжения банкета – пусть хоть на время станет легче.

3.

Кончается все тем, что подруга укладывает мое бесчувственное тело на диван, оставляет на тумбочке бутылку воды и аспирин и уезжает. Я всего этого не помню, утром обнаруживаю.

Просыпаюсь с жуткой тошнотой, головной болью и желанием умереть. Даже не сразу вспоминаю, по какому поводу позволила себе так насвинячиться, а когда вспоминаю, становится еще хуже, хотя казалось, что некуда.

Хватаю телефон – руки трясутся то ли от нервов, то ли от похмелья. Сообщения от Наташки: вчерашнее, что все хорошо и она дома, и сегодняшнее с вопросом как я.

На нормальный ответ нету сил, шлю зеленый смайлик. Пусть видит, что очнулась, а о моем самочувствии после вечерних излишеств несложно догадаться.

Вчерашние от мамы: у них все хорошо, Аришка спит, вела себя как ангел. При мысли о дочке немного легче становится. Захотелось немедленно за ней поехать, но куда мне сейчас. Сперва в себя нужно прийти.

Мамашки из “Непосед” опять что-то допоздна обсуждали, заняться было нечем, видимо. Даже не открываю, чат дома тоже.

Абонент Любимый был в сети час назад. Непрочитанных сообщений нет.

Интересно, во сколько он вернулся домой и что тут обнаружил? Застал Наташку или нет? Наверное, спать пришлось на диване – кровать я заняла, пьяная. Он ненавидит пьяных женщин, представляю, как разозлился, когда увидел свою жену невменяемой...

Если увидел.

Подозрение пронзает ледяными иглами. Хмурясь от головной боли, встаю и кутаюсь в халатик. Замечаю, что в квартире тишина – либо спит, либо снова уехал.

Или не приезжал?

Прохожусь по комнатам – никого. Если и был, следа не оставил, а это не в его привычках. Стас не убрал бы за собой подушку и плед, если бы тут спал. Забыл бы отнести в стирку несвежую рубашку. Чашку из-под кофе не помыл бы, вечно он так делает, я уже и ворчать давно перестала.

Ничего. Даже после наших посиделок Наташка все прибрала. Вымытые тарелки и бокалы сохнут на полотенце, мусор выброшен в ведро.

Мой муж уехал со своей девицей и не пришел ночевать. Вот так, демонстративно, не счел нужным ни объясниться, ни предупредить.

Да, он с характером, я бы и не вышла за тряпку. Но он бы никогда со мной так не поступил, он ведь нас любит. Меня и дочку. Всегда говорит, что все, что он делает – ради нас...

О чем я – он уже так поступил. Прямо сейчас. Просто так, без какого-либо повода с моей стороны, ведь еще позавчера

все было хорошо.

Слезы кончились и злость тоже. Осталась тупая апатия. Ничего не хочется. Лечь бы сейчас и не вставать больше. Но даже этого не могу себе позволить. В обед надо за Аришкой ехать, у мамы наверняка на вечер планы. Не хватало еще с ней поссориться.

Отправляю ей сообщение и решаю проверить звонки. Вот блин. Исходящие, в час ночи. Довольно долго разговаривали. Я напилась и сама названивала Стасу, а теперь ничего не помню.

Ну почему до сих пор не придумали приложение, блокирующее телефон, когда хозяин пьян? За любые деньги установила бы!

А ведь он мог именно поэтому дома не ночевать. Мало ли, что я наговорила, вдруг сама же и велела идти туда, где весь вечер шлялся. Он и пошел...

Надо перезвонить. И без того наши отношения летят под откос, не стоит делать еще хуже. Нажимаю вызов. Длинные гудки шурупами ввинчиваются в больную голову. Морщусь, потирая виски, но терплю.

– Да, – рявкает до боли в сердце родной голос. Очень зло рявкает.

– Ты где?

Ну а что еще сказать? Спрашивать, о чем мы вчера разговаривали, стыдно. Требовать объяснений глупо, наверняка я их уже требовала, не помню просто.

– У Дениса. Ты что, ничего не помнишь, что ли? – отвечает раздраженно. – Еще бы, так напиться! Тебе вообще не стыдно за то, что вчера устроила?

Не знаю. Я ничего и не устраивала вроде бы, тихо посидели с подружкой на кухне.

А вот ты, дорогой устроил. И теперь делаешь вид, будто и не было ничего.

– А тебе? – в свою очередь злюсь я. – Ничего рассказать не хочешь?

– Да нечего рассказывать, нечего! – Он едва не срывается на крик. Я аж отставляю телефон подальше от уха. Но Стас шумно выдыхает и говорит уже спокойнее. – Слушай, давай-ка ты проспишься, приведешь себя в порядок, а вечером поговорим. За Ариной заеду.

Почему-то это предложение вызывает бурю эмоций. Я не хочу, чтобы он оставался наедине с моим ребенком. Словно этот человек вдруг стал чужим, тем, кому нельзя доверять.

– Не нужно, я сама. Мы с мамой договаривались, – возражаю поспешно, стараясь не повышать голос. – Дома будем ближе к ужину, надеюсь, в этот раз обойдемся без непрошенных гостей.

– Юль, я же сказал...

– Пока, – перебиваю и сбрасываю звонок.

Нечего рассказывать, значит? Действительно, подумаешь, застала его за романтическим свиданием, пустяки, дело житейское!

Отчетливо понимаю, что и сама не желаю ничего слушать. И видеть его тоже, пусть катится к своей гиене, Денису или где он там предпочитает ночи проводить. А мне надо об Аришке подумать, вот что по-настоящему важно. Пора взять себя в руки.

Душ, таблетки и хороший завтрак сделали свое дело. К обеду я восстанавливаюсь и больше не напоминаю ожившего мертвеца. Но за руль все же сесть не решаюсь, беру такси.

Привычка не транжирить деньги без крайней необходимости напоминает о себе легким уколом совести. К черту. Стас вон на своих хотелках не особо экономит.

И вообще: раз я такая зачуханная и скучная, запишусь на неделе в салон красоты. И гардероб обновлю. Пускай только посмеет возразить.

Когда мама открывает дверь, я улыбаюсь ей самой беззаботной улыбкой, какую удалось изобразить. Подхватываю подбежавшую Аришку – пищит радостно, обвивает шею маленькими нежными ручками. Целую кудрявую макушку, вдыхая сладкий запах ее волос, невероятно мягких, пока она лопочет без остановки о чем-то своем.

Слушаю и улыбаюсь, на этот раз искренне. На миг кажется, что все проблемы остались где-то далеко, а здесь, со мной – мое солнышко. Самый любимый человечек. И пока с ней все хорошо, я буду счастливой.

Однако маму не проведешь. Наобнимавшись с Аришкой, прохожу на кухню, где стол уже накрыт к чаю. Мама любит,

чтобы все было как полагается: чашки и блюдца из сервиза, сладости в вазочках, красивая скатерть. Никогда не позволит за столом таскать печенье прямо из пакета или пить из разномастных кружек.

– Рассказывай, – велит, наливая чай. – Что случилось? Со Стасом поссорилась?

– С чего ты взяла? У нас все нормально, – отвечаю как можно непринужденнее. Не тут-то было.

– Не ври матери! Когда "нормально", по ночам в подушку не плачут. И не отнекивайся, я же вижу, что ревела. Давай, не вынуждай тебя уговаривать, выкладывай.

Мама смотрит исподлобья тем взглядом, которым, как я верила в детстве, видит меня насквозь. Аришка пару секунд за ней наблюдает и тоже на меня глядит, очень похоже копируя бабушкину мимику.

Выглядит забавно, учитывая, что у нее такие же темные глазищи-вишни с длинными черными ресницами. И волосы, судя по всему, будут бабушкины – густые, вьющиеся крупными локонами. Мне таких не досталось.

– Ладно, ты ведь не отстанешь, – сдаюсь в конце концов. – Да, мы поругались. Но ничего страшного не случилось, все будет хорошо.

Еще один пронизывающий взгляд. На этот раз выдерживаю, ломаю на кусочки печенье и молчу как партизан. Не сейчас. Я не готова.

– Надеюсь, он не поднял на тебя руку? – спрашивает она.

– Ты что! Конечно нет!

– А из-за чего ссора? Из-за денег? Бытовые проблемы? Он тебе изменил?

– Мам, прекрати, пожалуйста!

– Значит, изменил. Ты уверена или просто подозреваешь?

– Не уверена. Мы еще не говорили по этому поводу.

В итоге она вытягивает из меня все с подробностями. Чувствую себя опустошенной, но легче не становится.

– Н-да. Лучше бы ты ушла, пока они не заметили. Теперь сделать вид, будто ничего не было, не получится.

Она шутит? Выражение лица серьезное. Похоже, действительно сожалеет, что я не помогла мужу скрыть, что он мне изменяет. Сюр какой-то.

– В смысле? – переспрашиваю, не веря своим ушам.

– Не прикидывайся дурочкой, Юлия. Ты взрослая женщина, у тебя семья. Которую вот-вот сгоряча разрушишь из-за первого же проступка мужа. Думаешь, найдешь взамен кого-то идеального?

Никого я искать не хочу, от одной мысли противно. Стас – единственный мужчина в моей жизни, с тех пор, как мы начали встречаться, для меня других не существует. И я наивно верила, что он тоже на других женщин не смотрит. До вчерашнего дня.

– Предлагаешь закрыть на это глаза?

– Уже не выйдет. Но если ты сейчас проявишь мудрость, гибкость и терпение, то скорее всего сохранишь брак. А если

хорошенько постараешься, еще и на пользу себе все повернешь: должен же он как-то искупить вину.

– Ну, знаешь! Торг здесь неуместен!

Она качает головой, смотрит на меня как на дурочку. Говорит, что жизнь долгая, а идеальных семей не бывает. Что у них с отцом тоже всякое бывало, и она терпела, пока не вырастила меня и не поставила на ноги. Что я должна думать не о себе, а о дочери.

– Я не собираюсь препятствовать их общению, – возражаю я. Прозвучало так, будто все уже решено.

Впервые четко осознаю, что мы со Стасом можем расстаться. От этой мысли к горлу подкатывает ком, а на глаза опять наворачиваются слезы. Разве я этого хочу? Я ведь вообще не представляю, как буду жить, если его не будет рядом...

– Вы с папой все равно развелись, – ворчу, злясь и на нее, и на себя.

– Развелись, – кивает она, откидываясь на спинку стула. – Но только тогда, когда я пожелала. А он – нет. И после развода я получила достаточно средств, чтобы ни в чем не нуждаться. А что получишь ты? Копеечные алименты, которые еще не факт что удастся вытрясти? Напомни-ка, какой у твоего супруга официальный доход?

Вот о чем не думала, так это о том, как отомстить побольнее и тем более как на деньги развести. Он любовь мою предал. А любовью не торгуют, настоящей, в смысле, не услуга-

ми в постели.

– Мне от него ничего не нужно, – отвечаю холодно. – Я его любила и верила ему, понимаешь? Не смогу делать вид, что ничего не было, и простить не смогу, пусть хоть с ног до головы бриллиантами меня осыпет.

– Хорошо. Давай представим худшее развитие событий: вы разводитесь. Квартира, к счастью, перешла тебе по наследству, делить не придется. Но жить-то на что будешь? На те копейки, которые тебе в детском клубе платят, даже котенка не прокормить, не то что ребенка.

В голове мелькает неуловимое воспоминание, ощущение дежавю. Уверенность, будто я с кем-то это уже обсуждала. Наверное, вчера с Наташей, только пьяная была и не помню. Не со Стасом ведь...

– Найду работу на полный день, в конце концов, у меня есть высшее образование, – повторяю фразу, которую когда-то кому-то говорила. – В крайнем случае кассиром пойду в супермаркет. С голода не помрем.

– А куда Аришу денешь? – прицельно бьет она по больному. – Зарплата приличной няни с рекомендациями побольше чем у кассирши будет.

Хм, а ведь это мысль. Я могу попробовать няней подрабатывать. Возможно, мой опыт в “Непоседах” подойдет, а рекомендации мне все наши мамочки с удовольствием напишут.

Но вопрос с Аришкой это не решит. Я прекрасно знаю, что в первое время нечего и мечтать о зарплате, которую хватит на няню или на частный детский сад.

На маму и не рассчитываю: она с самого начала дала понять, что нянчиться целыми днями с малышкой у нее нет никакого желания. Максимум готова забирать в гости на выходные, и то не каждую неделю.

– Найду какой-нибудь вариант, – огрызаюсь я. Ну почему ей до сих пор с легкостью удается вывести меня из себя! – Стас поможет. Мы и не развелись еще, о чем тут думать? И без того тошно...

– Думать, доченька, всегда полезно. Особенно прежде чем жизнь себе испортить. Так что подумай как следует, уйти всегда успеешь. А вот вернуться не факт что получится.

4.

Вернуться... Выйдя из маминого подъезда, вдруг осознаю, что домой идти не хочу. Чуть ли не до слез – готова сесть на землю, колотить по ней кулаками и реветь, как Аришка, когда она на прошлой неделе в парке аттракционов истерику закатила.

Только меня взять на руки и утешить теперь, похоже, некому.

Слегка жалея, что отказалась от приглашения мамы пожить пару дней у нее (правда, сделанного без особого энтузиазма в голосе), беру Аришу за ручку и веду в сторону сквера. Погода хорошая, почему бы нам не погулять.

Покупаю булочку в хлебном киоске, и некоторое время мы играем в одну из любимых дочкиных игр. Я бросаю крошки голубям, которых тут же собирается целая стая. Ариша с воплем “Гули!!!” восторженно носится за ленивыми раскормленными птицами, которые шумно хлопают крыльями и разлетаются у нее из-под ног.

Набегавшись, она захотела пить. Бутылочка с водой у меня всегда при себе, но по пути есть чудесное летнее кафе с детской площадкой. Почему бы не напоить ребенка соком в уютном месте, а себя не побаловать латте со льдом!

На мое счастье в кафе мы встречаем знакомую по “Непоседам”. Пока Ариша пьет сок с печеньем и резвится в игро-

вой зоне, мы болтаем о детях и всякой бытовой ерунде.

Но скоро замечаю, что дочка начинает уставать. Чувствую себя матерью-ехидной. Какими бы дураками ни были родители, ребенок из-за этого страдать не должен!

И я сдаюсь. Сажусь в такси, чтобы больше малышку не мучить, и еду домой. Надеясь, что Стас еще не там.

Зря. Он конечно дома, но я этому вовсе не рада. А вот Ариша тянется ему навстречу: скорее возьми на ручки! Берет, кружит, подбрасывает несколько раз. Дочь заливается счастливым смехом.

Она обожает, когда папа с ней возится. Я так не умею, даже когда со стороны смотрю на такие вот фокусы, дыхание перехватывает, пусть умом понимаю – не уронит. Скорее сам упадет, но ее поймает. И малышка это чувствует, доверяет.

А вот я – уже нет.

Стас играет с ней до самого ужина, даже упрашивать не пришлось. Со мной почти не общается, всем своим видом показывает, что дуется. Когда наконец приходит время поговорить, смотрит обвиняюще.

– Ну что? Угомонилась? – спрашивает холодно. – Или снова к Денису придется напрашиваться?

Почему-то эта фраза кажется насквозь фальшивой. Немедленно вспоминаю, почему. Старая шутка про жену, которая позвонила десяти друзьям мужа и спросила: “мой не у тебя?”

И каждый из друзей ответил: “У меня”.

– Нет, – говорю строго.

Сомнения, нервы и слезы были вчера. А сегодня как-то вдруг отпустило, осталась жгучая обида и злость. Мне не нужны его оправдания, только правда. Я к ней готова.

– Что “нет”?

– Давай на этот раз обойдемся без манипуляций и перекладывания вины. Просто скажи как есть. А потом решим, что с этим делать.

Несколько минут он молчит, рассматривает меня, будто впервые видит. Что, дорогой, не нравится? Привык, что жена шуршит тихонечко по хозяйству и во всем с тобой соглашается? Придется обратно отвыкать.

– Ты права. Я виноват. Но не настолько, как тебе кажется, – начинает наконец оправдательную речь. А глаза честные-честные, не поверить невозможно. – У нас с ней ничего не было, я клянусь. Ну, кроме того, что ты сама видела, но это... Мы действительно встретились, чтобы поболтать. Мне надо было отдохнуть от работы...

– И от семьи, да, дорогой? – перебиваю ехидно. – От скучной жены-клуши. Одолел проклятый быт, захотелось свежих впечатлений.

– Какой ты иногда бываешь язвой, – укоряет Стас.

Он говорит, что и в мыслях мне не изменял, а с Леной их связывают исключительно приятельские отношения. Что он встретил ее, когда выходил в магазин, совершенно случайно. Разговорились и решили немного прогуляться в переры-

ве между работой.

– Угу. На прогулку с друзьями в парке девушки всегда одеваются и красятся как портовые шлюхи, – отмечаю я и заслуживаю очередной укоряющий взгляд.

– Дорогая, я же не могу указывать ей, как одеваться. Мне вообще на это плевать, мы не настолько близки.

Ну-ну. Выкрутился. Впрочем, у Стаса язык всегда был хорошо подвешен, а сейчас у него было достаточно времени, чтобы придумать складную сказочку. Что ж, послушаем. Старался ведь.

В этой истории Стас и его дружбан Лена пошли в парк размяться и поболтать за жизнь. По дороге увидели бабку, которая продавала с лотка эту чертову клубнику, и просто не могли не купить.

Мой муж как джентльмен не мог допустить, чтобы дама ела немытые ягоды в парке на скамейке, и пригласил к себе на чай. Раз она купила клубнику, он взял торт и шампанское.

Но внезапно явилась я со своей мнительностью и разогнала невинные дружеские посиделки.

– Ты сам-то понимаешь, какой бред несешь? – спрашиваю, когда он заканчивает. – Неужели всерьез думаешь, что я поверю?

Стас изображает обиду и возмущение. Вновь клянется, что к этой девице и пальцем не притронулся. Предлагает позвонить ей и самой спросить, или Денису, который подтвердит, что мой муж ночевал у них.

– Или Ирке, ей-то поверишь?

С женой Дениса мы в хороших отношениях, и прикрывать изменщика она не станет хотя бы из женской солидарности. Но обсуждать с посторонними семейную ссору нет никакого желания.

– Да при чем тут Ирка? Я тебе верила, – произношу устало. – Выходит, зря.

Он встает с места и присаживается передо мной на корточки. Берет мои ладони в свои, но я тут же вырываюсь. Стас послушно убирает руки.

– Юль, я тебе ни разу в жизни не изменял. Да, я поступил некрасиво, устроил все это у тебя за спиной, но... – вздыхает и мнется, подбирая слова. – Мне просто захотелось немного развеяться. Ни к чему не обязывающего легкого общения, не более. В последнее время с работой напряг и вообще... Я устал, понимаешь?

“Потанцуем?” – звучит в памяти его голос. И ее смех в ответ. Просто общение. Легкое.

– Думаешь, я не устаю? – вскидываюсь я, не в силах сдерживать эмоции. – Что-то даже в голову не приходило устроить себе такой вот отдых!

Резко поднимаюсь и отхожу от него подальше, отворачиваюсь, делая вид, что смотрю в окно. Если бы не Аришка, ушла бы совсем, подальше от этой грязи.

– Родная, я вас больше всего на свете люблю, тебя и Арину. Пожалуйста, дай мне шанс все исправить. Не станешь же

ты все рушить из-за единственной глупой ошибки?

Выставить бы его за дверь по-хорошему и замки поменять. Уважающая себя женщина сразу так бы и сделала. Но я – слабачка и тряпка. Я просто выхожу, чтобы спрятаться в спальне и хныкать там, пока никто не видит.

– Поговорим завтра, на сегодня у меня сил не осталось, – говорю, не оборачиваясь. – Можешь спать на диване, подушку и плед возьми в шкафу.

5.

Ночь проходит в тревожных мыслях. Кажется, я совсем не спала – едва задремала, как проснулась от приглушенной возни на кухне. Шум воды. Громыхание посудой, сигнал микроволновки. Топот маленьких ножек, тихий голос мужа и детский смех.

Странно, как я могла не заметить, что Аришка встала? Неужели все же отключилась под утро и даже то, как Стас ее забрал из кроватки, проворонила?

– Ну что, устроим маме сюрприз? – слышится из-за двери, и на пороге появляется Стас с подносом в руках.

– Сюпииии! – вопит Ариша, выскакивая из-за его спины.

Я распахиваю объятья ей навстречу, прижимаю к себе с ощущением, будто потеряла и снова нашла. Дочке не нравится, вертится, пытаясь вырваться.

Это все нервы. Надо бы попить успокоительного, так нельзя.

– Доброе утро, милая! – с широкой улыбкой возвещает виновник моего состояния. – Завтрак в постель!

На подносе кофе и блинчики. Я уже забыла, что муж умеет очень вкусно их готовить – он давно меня такой заботой не балует. И сам этот поднос был куплен еще когда мы только начали жить вместе, с тех пор валялся без дела.

Вспоминаю разговор с мамой и понимаю: старается быть

хорошим, вину заглаживает. Неужели всерьез думает, что поверю глупым оправданиям? Что сумею простить и жить как раньше?

Получается, вот кем он меня считает. Наивной дурой, об которую можно ноги вытирать. А потом проявить немного заботы, как собаке со стола кость бросить – и все, забыли...

– А как же пробежка? – спрашиваю, посмотрев на часы. – Ты заболел, что ли?

В последние несколько месяцев Стас решил, что не в форме, и в дополнение к тренажерному залу начал бегать в парке по утрам. Это стало настоящим ритуалом. Бегал он в любую погоду, никогда не пропускал.

– Если только считать глупость болезнью.

Улыбка становится виноватой, отчего его лицо кажется невероятно милым и почти мальчишеским. Я должна бы растаять, броситься целовать эту очаровательную ямочку на щеке, но...

Смотрю на него и ничего не чувствую. Только глухое раздражение. Все, чего хочу – чтобы оставил в покое.

– Я ведь сильно виноват перед тобой, и дело вовсе не в той идиотской ситуации, – произносит он, заставляя сердце сжаться в ожидании еще более ужасных признаний. – В последнее время я совсем не уделяю тебе внимания. Воспринимаю как должное. Живем в одной квартире, вроде бы рядом, но врозь, будто соседи по общаге. А ведь я тебя люблю, Юля.

– Правда? Или просто привык жить как тебе удобно и не хочешь ничего менять? – спрашиваю равнодушным голосом, а у самой кошки на душе скребут. – Значит, все-таки накосячил, раз так стараешься. Было бы в самом деле недоразумение – не стал бы...

Он придвигается и неожиданно закрывает мне рот поцелуем. Невинным – Стас не позволяет себе большего при Арише с тех пор, как она начала ходить, говорить и пытаться повторять наши действия.

Плотно сжимаю губы, но не отталкиваю его – по той же причине. Мы не должны при ребенке проявлять друг к другу агрессию, напугается еще.

– Я взял отгул на сегодня, – шепчет он мне на ухо. – Отключил телефон. Хочу весь день провести с семьей.

– Замечательно! – с поддельной радостью восклицаю в ответ.

– Правда?

– Ты меня здорово выручишь, если посидишь с Ариной! Мне нужно пройтись по магазинам и к маникюрше заглянуть, а с ней это просто невозможно.

– Но я думал, что мы... – начинает он разочарованно.

– Что, не хочешь? Ну ладно, маму попрошу, – вздыхаю с притворной обидой.

Стас спохватывается и уверят, что будет рад побыть с дочкой. Про магазины уточнять не стал. Сама на всякий случай спрашиваю, могу ли потратить некоторую сумму на обнов-

ки, и он, разумеется, не возражает.

– Только вернись, когда Аринку надо будет укладывать, она ведь без тебя не уснет, – просит он, провожая меня у порога. – И еще... Если я прекращу общаться с Леной, ты мне поверишь?

– Разве я могу требовать таких великих жертв! – фыркаю в ответ.

– Я серьезно. В конце концов, ты моя жена, а она – просто знакомая. Удалю ее контакты, максимум при встрече поздороваюсь – и все.

Вглядываюсь в его глаза, но не улавливаю ни намека на ложь. Спокоен как удав, словно о каком-то пустяке говорит. Но это ничего не значит: похоже, я в принципе не особо умею отличать правду от вранья.

Вот только в этот раз очень хочется поверить. Увы – следующей фразой Стас это желание напрочь убивает.

– Уверен, Лена и сама постарается больше не провоцировать конфликты. Ты не представляешь, как она из-за этого недоразумения расстроилась!

– Святая женщина! – выдыхаю я, выскакиваю из квартиры и спешу захлопнуть дверь.

Мне вовсе не нужен этот шоппинг, ляпнула, что первым в голову пришло. Я опять убегаю.

Вместо того чтобы решить хоть что-нибудь, простить, прогнать, поскандалить... Ведь рано или поздно я обязана буду что-то сделать, нельзя же вечно бродить вот так, лишь

бы к нему не возвращаться.

Сама не понимаю, что мне нужно. Наверное, все еще люблю его и боюсь потерять – от одной мысли душа обмирает. Но такое чувство, будто его подменили. Будто это не он, это кто-то другой, кого я совсем не знаю...

Неожиданно звонит телефон. Я выходила из дома в девятом часу утра, кому неймется в такое время? И номер незнакомый.

– Алло, – решаюсь все же ответить.

– Привет! Не передумала идти к нам на собеседование?

– Какое собеседование? – переспрашиваю опешив. – Наташ, ты что ли?

Наверняка подруга ошиблась, набрала не тот номер.

– Я, с рабочего, мой почти разрядился. На вакансию администратора, мы ведь договаривались, – бодро отзывается она. – Эй, забыла все-таки? Я так и знала! А ведь клялась, что запомнишь. Говорила, что готова выйти на работу вот прям щас.

– Слушай, я и вправду забыла напрочь. Прости. Видела же, какая я была? Если сдуру что-то тебе наобещала...

– Да погоди отказываться! – перебивает подруга и тараторит, не давая слова вставить: – Место очень хорошее, для человека в твоей ситуации так и вовсе подарок судьбы. И зарплата более чем, и работа не пыльная. Насколько я в курсе требований босса, ему нужен именно кто-то вроде тебя. Короче, бросай все и подъезжай к нам в столовку в обед, я еще

раз все расскажу.

– Но я не...

– Занята?

– Да не то что бы... – мямлю я и вдруг соображаю, что вместо того, чтобы бесцельно шататься по улицам, можно хотя бы час провести в ее компании. – Собиралась небольшой шоппинг устроить, но вообще почему бы и не пообедать.

Уточняю, к которому часу она освободится. Выясняется, что ждать еще долго, успею по магазинам пройтись. Правда, настроения выбирать обновки нет никакого.

С неохотой признаюсь себе, что просто не хочу возвращаться домой. Малодушно сбегаю от проблемы, будто она исчезнет сама собой, если хорошенько притвориться, что ничего не происходит...

Неужели мама права? Не даром же она меня насквозь видит. Я трусиха. С тех пор как влюбилась и вышла замуж, привыкла верить мужу и в рот ему смотреть, во всем потакая. Пока жизнь носом не ткнула, ничего не замечала, а ведь наверняка были звоночки, не могло не быть.

Может, действительно стоило сделать вид, будто ничего не произошло, и продолжать не замечать?

– Эй, Юля! Ты там уснула что ли? – звенит из трубки громкий голос Наташки. – Подходи к нам в молл, киношку посмотри, как раз времени хватит. А по магазинам пока не ходи, если повезет, все равно гардероб обновлять придется.

– Зачем это? – переспрашиваю растерянно, а она фыркает

в ответ.

– Потому что накупишь опять своих балахонов... Ладно, мне пора работу работать, иди пока погуляй. И не вздумай сбежать! Созвонимся.

Раздаются гудки. Прячу телефон в сумочку, пытаясь собрать мысли в кучу после этого странного разговора. Какое еще собеседование? Я ведь работу не искала, с чего вдруг?

В голове немедленно звучит мамин голос и снова спрашивает, на что я собираюсь жить в случае чего.

А и правда – хватит сидеть у мужа на шее! Тем более что шея внезапно оказалась ненадежной. Возьму и пойду, не покусают же меня там. И цепью не прикуют, отобрав паспорт. Не понравится – откажусь, и все дела.

Наташа работает в самом роскошном офисном центре города, вон он, возвышается сверкающей панорамными окнами скалой. Издали видать. Рядом с ним – торгово-развлекательная громадина с тем же названием. “Ренессанс”.

Забавно. Возможно, здесь меня ждет сказочное преображение, по крайней мере, у них все для этого есть. Салоны красоты, стойка с экспресс-маникюром, фитнес и СПА на первом этаже. И конечно множество магазинов, вот только цены в большинстве из них кусаются. Я привыкла ходить за покупками в места поскромней.

Но хоть маникюр могу себе позволить! Когда еще свободное время появится... Подстричься бы еще, но и то и другое вряд ли успею. И я делаю выбор в пользу ноготочков.

Ценник оказался на удивление приятным, я позволяю себя уговорить еще и на парафиновое обертывание.

– Вы меня извините, но ваша кожа... Она пересушена, – сообщает мастер, симпатичная девчонка с выбритыми висками и кокетливой татуировкой под ключицей.

Голос ее при этом звучит так, будто речь идет о чем-то непристойном. Едва ли не на шепот перешла.

Когда она закончила, мои руки преобразились. И я понимаю, что и вправду запустила себя до неприличия. Захотелось немедленно продолжить, не выходя из этого здания. Отправиться к парикмахеру, потом к косметологу... Но пора встречаться с Наташкой, она, в отличие от меня, девушка занятая, весь день расписан по минутам.

В кафе офисного центра шумно и людно – время обеденного перерыва. Такое ощущение, что все вокруг друг друга знают, то и дело кто-то с кем-то здоровается, присаживается к компании за столик.

Чувствую себя жуть как неуютно. Посетители все до единого одеты по дресс-коду, кто-то и вовсе в униформе. Многие женщины на каблуках, с макияжем и строгими прическами волосок к волоску.

А я словно из другой вселенной прибыла в своем миленьком летнем платьице, с удобной объемной сумкой (вдруг где-то увижу детское питание по акции или еще что-нибудь) и в открытых босоножках на плоской подошве.

– Не выдумывай глупости! Даже если и так – поверь мне,

большинство из них тебе сейчас завидуют. На улице такая погода дивная, а они поедят и дальше пойдут вджобывать. А ты – гулять и развлекаться, – смеется Наташа, услышав о причине моей скованности.

– Да какие там развлечения! – горестно вздыхаю в ответ. И признаюсь: – Я не гуляю. Я домой идти не хочу.

Наташка округляет глаза и хлопает накрашенными ресницами. Редко удается лишить ее дара речи, но у меня получилось.

– Ты нормальный вообще человек? – наконец выдыхает она. – Давай, несчастье мое, рассказывай.

Рассказываю. Все равно она в курсе, а поделиться с кем-то хочется, иначе просто с ума сойду.

Выслушав, она настоятельно рекомендует сегодня же выставить Стаса за дверь.

– Я так не могу, – произношу вполголоса. Становится стыдно за то, что я такая размазня. – Это ведь его дом тоже, ну куда он пойдет?

– Нет, ты точно ненормальная! Да пусть валит на все четыре стороны, не твоя забота вообще!

Конечно же она права. Я дура. Но все-таки мы пять лет прожили, ребенка родили, ни разу всерьез не поссорились. Неужели можно вот так, разом все перечеркнуть?

А простить... Понимаю, что не сумею. Не получится.

6.

Сегодня у подруги нет времени вытирать мне слезки, о чем она сообщает с обычной прямолинейностью. Предлагает обсудить дело, и я соглашаюсь. Какая разница о чем болтать, главное, что собеседник есть.

– Если кратко: ты будешь последней идиоткой, если хотя бы не попытаешься сюда устроиться, – начинает она и отправляет в рот кусочек куриной грудки.

Эта чудо-женщина умеет все на свете, даже аккуратно есть, не прерывая беседы. На ее тарелке запеченная курятина без кожицы и жалкая горстка бурого риса, плюс овощной салат с каплей масла. На моей – кусок бисквитного торта с шоколадом, карамелью и щедрой прослойкой жирного крема.

Наташа старается на него не смотреть, ей такие излишества диета не позволяет. Пожалуй, мое единственное перед ней преимущество – способность лопать десерты без вреда для талии.

Она наскоро делится подробностями. Ничего особенного, что-то среднее между секретаршей и администраторшей за ресепшеном. Телефонные звонки, встреча клиентов, чай-кофе, небольшие консультации по общим вопросам. Только предполагаемая зарплата великовата за такую работу на мой взгляд.

– Так у нас и организация солидная. А девочки-администраторши – ее лицо, – объясняет Наташка. – Отбор очень серьезный. Но по общим требованиям ты подходишь, вдруг повезет.

Прыскаю от смеха, едва не захлебываясь латте.

– Это каким же? Требуется ни на что не годная сотрудница без опыта какой бы то ни было работы? С маленьким ребенком, сразу из декрета, одной ногой в разводе...

Декрет у меня в общем-то липовый, только по бумажке. Папа помог, оформил к себе в штат на какую-то несуществующую должность с минимальным окладом, чтобы трудовую книжку пристроить.

– Девушка с красивой внешностью, коммуникабельная, грамотная, стрессоустойчивая, без вредных привычек, с приятным голосом, – невозмутимо парирует Наташка. Поддерживать мои дурачества она явно не настроена. – А вот про развод не заикайся. Ты замужем – и точка!

– Почему? – искренне удивляюсь я.

– Считай это маленькой причудой босса. У всех ведь есть причуды... Короче, я слышала, что резюме, где в графе "семейное положение" стоит "разведена", отклоняются без рассмотрения. Не уверена, что это правда, может просто сплетня, но не будем проверять на тебе, лады?

Ничего себе причуды! Каким образом их вообще личная жизнь сотрудников касается? Тоже мне, поборники морали и скреп. Немедленно воображаю себе босса тирана с зам-

шелым патриархальным мировоззрением и нетерпимостью к инакомыслию, доходящей до абсурда.

– А какие еще у этой работы недостатки, кроме начальника самодура? – спрашиваю с ухмылкой. Ну не могло быть все так лучезарно, должен быть подвох.

– Он вовсе не самодур! – искренне возмущается подруга. Надо же, какая корпоративная солидарность. – Наоборот, босс – это дополнительный бонус. Красавчик, прямо как модель из рекламы мужского белья!

Подмигивает с загадочным видом и делает маленькую паузу, чтобы остаток салата дожевать. А я представляю мужчину в белье, сидящего в кресле руководителя, и еле сдерживаю смех.

– Мне как-то до его внешности... Больше причуды настораживают.

– Тебя его закидоны волновать не должны, пусть личная секретарша на эту тему парится. Наоборот – будет о чем посплетничать. С подчиненными он приветлив и очень корректен, к тому же ты с клиентами в основном общаться будешь, а не с ним. Правда, видеть придется часто, путь в его кабинет ведет через приемную.

Мне показалось, или в ее голосе прозвучали нотки зависти? Становится интересно, что же там за босс такой. Модель с причудами...

– Ну... Я даже не знаю. Как-то это все неожиданно. С Аришкой надо будет что-то решать, если получится.

– Найдем няню. Тебе это проще всего, вон сколько знакомых в этой сфере, мамашки из клуба наверняка посоветуют. Тем более твой накосячил, вот и пусть платит. Скажи, что это вместо бриллиантов в качестве извинения.

И я соглашаюсь. С тоской оглядываюсь вокруг – все равно не возьмут, я среди этих офисных как белая ворона. Но на собеседование сходить можно, ради Наташки – она ведь для меня старается.

Однако собеседования у них тоже как-то странно проводятся. Первый этап – по телефону, причем время этих переговоров со мной согласуют заранее.

– Надеюсь, видеосвязь включить не заставят? Или лучше по дресс-коду одеться? – спрашиваю я, и Наташка отрицательно качает головой.

– Нет, на этом этапе они хотят услышать твой голос. В обязанности входит прием звонков, это важно. Вдруг ты присвистываешь и шепелявишь, или еще хуже – через слово вставляешь матерный артикль. – Она кладет вилку и нож на тарелку, встает и отодвигает стул. Многие посетители делают то же самое: обеденный перерыв кончается. – В общем, договорились. Жди звонка и не трясись, все у тебя получится. И еще... Ты звони если вдруг что, не стесняйся. Обещаешь?

– Наташ, у меня все нормально, – возражаю я. Она и так со мной столько возится, что неудобно уже.

– Обещай! – повторяет строго.

Я обещаю, чтоб отстала. Но звонить и лить слезы не соби-

раюсь, достаточно. Пора самой свою жизнь налаживать. Для начала собраться с духом и объявить Стасу, что начала искать работу.

В свою квартиру возвращаюсь едва не бегом: Аришку давно пора укладывать. Я опоздала.

Предвкушая борьбу с капризами и молчаливые упреки, открываю дверь и на миг замираю. Тишина кажется чем-то нереальным. Неправильным.

Стараясь на всякий случай не нарушать ее, врываюсь в спальню и застаю умилительную картину. Стас дрыхнет, раскинувшись звездой на кровати, рядом валяется детская книжка. На его груди котенком свернулась дочка и тоже спит без задних ног.

Уложила папу, с чувством выполненного долга забралась на него и уснула.

Рука привычно тянется за телефоном – могло бы получиться дивное фото в семейный архив. Тем более Стас так редко с ней занимается, вечно ему некогда...

Ведь свободное время он предпочитает проводить с другими девочками. Взрослыми. С ними ему интереснее.

Телефон ныряет обратно в сумку. Прикрываю тихонько дверь – пусть спят, побуду немного в покое. Переодеваюсь, ставлю чайник. Проходя мимо большой комнаты, куда после обустройства детской переехало рабочее место мужа, слышу едва заметное жужжание.

Его компьютер включен. Скорее машинально, чем наме-

ренно подхожу и касаюсь мышки. Осторожно, будто током ударит. Щелкаю кнопкой – и экран оживает.

Впервые я заглядываю сюда, когда мужа рядом нет. Наверное, не ожидал, что уснет, укачивая Аришку, вот и бросил все как есть.

Сомневаюсь лишь несколько мгновений. Да, подло и унизительно, но это единственный шанс.

Чувствуя себя распоследней ревнивой овцой, заглядываю в мессенджер. И никакой Лены там не нахожу, вообще ничего подозрительного. Неужели действительно удалил?

Новые сообщения высвечиваются только в чате с какой-то Кристиной Павленко. Тоже любопытно, кто это такая, но заглянуть не решаюсь. А вот в переписку с Денисом лезу смело – лучший друг все-таки, если Стас с кем-то обсуждает свое личное, то с ним.

Я не ошиблась. Достаточно пролистать немного, и вижу...

“Я считаю, разлюбил – уходи, – пишет муж. – Лучше самому освободиться и ее отпустить, чем изображать счастье, которого уже нет”.

“Ты бы подумал как следует. Сколько у тебя еще таких Лен будет, не разводиться же каждый раз”, – отвечает Денис.

“Нет, это другое. Я ее люблю”.

Ножом по сердцу. Ведь он это не обо мне. Обо мне – в том, первом сообщении.

И, чтобы добить, дата: вечер того самого дня, когда я застала у себя дома его потаскуху. Можно бы проверить, есть

ли хоть слово о ночевке у друга, но не хочется. К чему? С меня и без того довольно.

Вот так, Юленька. Тебе нужны еще какие-то доказательства?

Я сижу, уставясь в эти жестокие строчки, пока не гаснет монитор. Это уже не просто удар, это нокаут. Кажется, что все происходит понарошку, не со мной. Просто не может быть со мной.

Такой меня муж и обнаруживает: сидящей за его столом, тупо глядя в черный экран.

– Дорогая? Что ты тут делаешь? – бормочет растерянно.

Должно быть вспомнил, что не заблокировал ничего. Да, я все, что нужно, увидела. Дорогой.

Тянется к клавиатуре, но замирает, рассматривая меня.

– Юль? Что-то случилось?

Пожимаю плечами, не глядя. Видеть его больше не могу.

– Я думаю, нам лучше пожить отдельно.

Всего одна короткая фраза, но она дается мне с невероятным трудом. Еще сложнее сдерживаться, чтобы не втянуть голову в плечи. Не сбежать. Не заплакать. Сохранить хотя бы гордость.

К чести Стаса, он догадывается без лишних слов. Щелкает клавишей, и на мониторе высвечивается окошко с той самой перепиской. Я даже сворачивать его не стала.

– Юль...

Кладет ладонь мне на плечо и словно будит ото сна. Сры-

ваюсь с места, пячусь в сторону двери.

– Не трогай меня! – чуть ли не кричу и замолкаю испуганно: ребенок спит. А я превращаюсь в долбанную истеричку. – Стас, прошу. Я не хочу сейчас ничего выяснять. Просто уходи. Пожалуйста. Сам ведь говоришь, что так будет лучше.

– Нет. Это не то, все это было сказано сгоряча – меня выбесила твоя пьянка и вообще... – запинается, подбирая слова, нервным жестом ерошит волосы на затылке. – Я был не прав. Я люблю только тебя, родная, а остальное ерунда, временное помутнение.

Ерунда. Вот оно как. Меня колотит от нервов, вся жизнь кувырком летит, едва держусь, чтобы не прорыдать целый день без перерыва. А ему ерунда. Любит же. Только как-то очень по-своему.

– Стас, не начинай, пожалуйста. Не сейчас. Все, что ты можешь сделать – уйди. Дай мне время хотя бы успокоиться, мы все решим и все обсудим, но позже, хорошо?

Молчит и смотрит, а меня прямо-таки корежит от его взгляда. Отчетливо понимаю, что все кончено. Что-то во мне сломалось, очень важное, без чего наши отношения не восстановить, даже если он превратится в идеального мужа с завтрашнего дня.

Я никогда не сумею забыть, как он обсуждал с лучшим другом: не уйти ли от опостылевшей жены к обожаемой любовнице.

Ты прав, Стасик. Разлюбил – уходи. К чему врать и изво-

рачиваться, пытаться усидеть на двух стульях? Задница-то у тебя, дорогой, всего одна...

В голову приходит совершенно идиотская мысль: мол, трусы для этой задницы я покупала, а снимала их другая. Эта глупость почему-то добивает окончательно.

– Если отказываешься уйти, я забираю Аришку и уезжаю к маме. Копию заявления о разводе пришлю.

– Не надо! Я сделаю все как ты хочешь, только не торопись с решением, – умоляет Стас. – Не ради меня, ради Арины.

Ну разумеется, как же удержаться от того, чтобы не прикрыться заботой о ребенке! Я к этому была готова, но... Он ведь в чем-то прав. Пусть мой муж не тянет на звание "отец года", но дочку все же любит.

Она его и вовсе обожает. Самый большой праздник – если папа нашел время с ней поиграть, ничего больше для счастья не надо.

Справимся. Аришка еще маленькая, легко отвлечь, чтобы не скучала. А Стасу я обещаю, что он сможет видеться с дочерью в любой день, когда только пожелает. Лишь бы согласился уехать прямо сейчас.

7.

Секретарша из “Ренессанса” звонит, когда Стас еще не ушел. Пытаюсь уединиться, но он идет следом.

К счастью, это еще не собеседование – его назначают на завтрашнее утро. А пока вообще ни о чем спрашивать не стали.

– Постойте, я ведь должна сначала отправить вам резюме? – торопливо уточняю, пока она не сбросила вызов.

– Не беспокойтесь, по вашей просьбе его передала ваша подруга, – отвечает секретарша приятным голосом. Вежливым, почти ласковым. – У вас есть ко мне еще какие-нибудь вопросы?

– Нет, – говорю, ежась под любопытным взглядом мужа. – Спасибо.

– Собеседование? Ты не говорила, что ищешь работу, – укоряет он, едва я завершаю разговор.

– Не успела, все произошло слишком неожиданно. А ты что-то имеешь против?

Разумеется, он не в той ситуации, чтобы возражать. Наоборот, уверяет, будто за меня очень рад. Но тут же с подчеркнутой тревогой спрашивает, с кем собираюсь оставить Аришу. Он прекрасно знает, на что надавить.

– Не волнуйся, мы справимся, – отвечаю неопределенно.

Стасу этого мало. Смотрит неодобрительно, качает голо-

вой. Безмолвно обвиняя меня в глупости и безответственности.

– Дорогая, я все еще твой муж и буду продолжать полностью вас обеспечивать, что бы ты ни решила. Незачем из-за нашей ссоры лишать ребенка материнской...

– Я ничего ее не лишаю! Мне нужна эта работа, неважно, в состоянии ты это понять или нет!

Сейчас мне и самой кажется, что да, нужна. Прямо кровь из носу как. Я пойду туда не ради того, чтобы Наташка отстала. Выдержу все этапы их странного собеседования и получу работу.

– Все, что тебе нужно – это успокоиться и перестать метаться. Мы ведь давно все обсудили, тебе незачем работать, пока Аринке не исполнится три года и ее не возьмут в детский сад. Как минимум.

Да уж, давно это было. Еще до того, как он меня разлюбил. И как появилась Лена.

– Ситуация немного изменилась, не находишь? – произношу устало.

Господи, он ведь и вещи на первое время собрал, почему бы просто не уйти? Надо же было им позвонить так некстати...

– В этом плане ничего не изменилось. Наоборот, я зарабатываю намного больше, чем до рождения Арины. Или тебе не хватает? Так ты скажи!

Собрав волю в кулак, я в конце концов выставляю его за

дверь. Наступает тишина, лишь телевизор в комнате пищит мультяшными голосами. Наверное, скоро она начнет угнетать, но сейчас мне спокойно.

Я все-таки решилась. Пусть это всего один маленький шаг, причем шаг в сторону неизвестности, но я его сделала.

Вдвоем с дочкой мы проводим чудесный тихий вечер. К счастью, она еще слишком маленькая, чтобы задавать неудобные вопросы. Только однажды, услышав какой-то шум от соседей, она настораживается и спрашивает: “Папа?”

Но быстро отвлекается на свои игрушки. Моя милая послушная девочка...

Утро начинается с будильника. Такое бывает редко, я и без него привыкла вставать рано, подстроилась к дочкиному режиму. Но сегодня у меня собеседование, хочется к тому времени проснуться окончательно, взбодриться и привести себя в порядок.

Ну и что, что никто меня не увидит – так я буду чувствовать себя увереннее. Тем более оно у меня первое в жизни. До замужества успела поработать всего ничего, и то по знакомству приняли. И теперь чем ближе назначенное время, тем сильнее волнуюсь.

В итоге с трудом заставляю себя взять трубку после третьего звонка. И слышу голос, от которого мурашки по загривку бегут.

– Здравствуйте, Юлия. – глубокий баритон с легкой хрипотцой произносит мое имя так, что хочется забыть обо всем

и слушать снова и снова. – Меня зовут Вадим Морозов, я представляю компанию “Ренессанс”. Хотел бы с вами немного пообщаться. Вы готовы?

– Да, конечно.

– Расскажите о себе.

И замолкает, ожидая ответа. Мысли мечутся в панике. Что именно его интересует? Я ведь даже не знаю, что Наташка написала в моем резюме!

– Мне двадцать пять лет, образование высшее, – начинаю неуверенно. – В настоящее время в декретном...

– Я знаю, читал, – перебивает он.

– Тогда что именно вы хотите услышать?

– То, что вы считаете нужным рассказать.

Странный у них эйчар. Будто намеренно старается сделать все, чтобы я растерялась. А может так и есть. Стрессоустойчивость проверяет.

– Честно говоря, в последний раз я устраивалась на работу довольно давно. И теперь слабо представляю, какие именно мои качества интересны потенциальному работодателю.

Делаю небольшую паузу в надежде, что он задаст наводящий вопрос. Но Вадим Морозов не собирается мне помогать – молчит, ждет, что еще скажу.

Вдруг понимаю, что сказать-то и нечего. Что я из себя представляю? Что умею? Чем, в конце концов, увлекаюсь?

Все, что приходит на ум, связано с воспитанием ребенка. Или с домашним хозяйством. Или... Нет, ну должно быть

хоть что-нибудь! Как я умудрилась выпасть из жизни за эти два года?

Значит, Наташка права, она даже мягко тогда выразилась. Клуша я, самая настоящая.

– Последние два года я была домохозяйкой, сами понимаете, маленький ребенок. Но зато коммуникабельность и стрессоустойчивость прокачала как следует, – пытаюсь обратить все в шутку и немного снять напряжение.

– Понимаю.

Судя по голосу, он улыбается. Становится немного легче: значит, человеческое ему все-таки не чуждо.

– К тому же я не сидела без дела – полгода работаю неполный день, провожу развивающие занятия с малышами. Не знаю, написано ли об этом в резюме, но, возможно, в какой-то степени меня охарактеризует.

Мамочки, что я несу! С другой стороны, какой вопрос, такой и ответ. Любой нормальный человек растерялся бы на моем месте.

– Вы не знаете, что написано в вашем резюме?

Кажется, мне удалось его удивить. Если от сотрудника требуется креативность, наверняка в списке появился плюсик напротив моего имени.

– За меня его написала подруга, – признаюсь, надеясь, что честность тоже оценят по достоинству.

– Почему?

Потому что я клуша и способна накосячить даже в таком

элементарном деле. Но вслух об этом говорить необязательно.

– Со стороны ведь гораздо лучше можно судить о человеке, тем более, она работает в вашей компании достаточно давно и указала именно то, что может быть вам интересно. Ничего лишнего.

– Вот как? Впрочем, неважно. Продолжайте, – милостиво разрешает он.

– По существу я вам все сказала. О моем возрасте, стаже и личных качествах вы сами прочли. Может быть, перейдем к конкретным вопросам?

– Конкретика меня в данный момент не интересует, – отвечает он проникновенно, чуть вкрадчиво. Какой у него сексуальный голос все-таки, даже когда строго по делу общается! – Я хочу просто послушать, как вы говорите. Ваш голос. И убедиться в вашей адекватности в первом приближении.

Не поняла: он всерьез или пошутить решил? Ну кто вообще выбирает сотрудника на слух! Надо было все-таки поинтересоваться, что Наташка в моем резюме понаписала. И какую приложила фотографию.

– А это только специальное тестирование покажет, – возражаю, стараясь не выдавать неуверенности. – Иногда за несколько лет можно чью-то неадекватность не заметить, не то что за несколько минут.

Пауза. Мне начинает казаться, что связь прервалась, но он продолжает.

– Пожалуй, в чем-то вы правы. Тогда предлагаю задать вопросы мне. Уточнить какие-то важные моменты и условия, чтобы не тратить время друг друга, если эта работа заведомо вам не подходит.

Похоже, Вадиму Морозову надоело изгаляться, наконец к сути перешел. Уже проще.

– В первую очередь меня интересует график. А также что конкретно входит в обязанности. Для сотрудницы, приносящей чай и отвечающей на звонки, зарплата показалась несоразмерной, если честно.

– Верно. Но у нас очень высокие требования. Вы должны будете не просто безукоризненно выполнять свою работу, но еще и уметь расположить к себе наших посетителей. Даже самых конфликтных.

В смысле? Они меня в качестве гейши нанимают? Я конечно умею конфликты разруливать, но всем моим клиентам при этом было от полутора до четырех лет...

– Что касается графика, он нормированный, строго с девяти до шести, – продолжает мой собеседник. – Однако вам иногда будут звонить или писать во внерабочее время, в разумных пределах, конечно. Надеюсь, в связи с этим не возникнет... семейных проблем?

Ох, если бы ты знал о моих семейных проблемах, о такой фигне не спрашивал бы! Возможно, раньше Стас ревновал бы, но теперь...

Да какая разница. Надо привыкнуть переставать всякий

раз, принимая решения, сверяться с его планами и прикидывать, что он на это скажет. Все. Мы женаты только формально. И эту проблему я тоже скоро решу.

– Юлия? Вас что-то не устраивает? – напоминает о себе мой собеседник.

– Нет, прошу прощения. Все в порядке. Думаю, на звонки ответить сумею, главное, чтобы могла ребенка вовремя забирать.

Мы говорим еще немного, в основном о трудовом распорядке. Начинает вериться, будто нет ничего невозможного, и с этой работой я справлюсь.

Я даже легкомысленно обещаю, что смогу обойтись без внезапных отлучек и буду согласовывать отгулы заранее. И в конце концов получаю приглашение на собеседование в офис.

Сказав, что мне позвонят и назначат встречу, он прощается. Некоторое время отзвук пленительного глуховатого баритона словно остается в ушах.

Надо же, какая ему досталась неподходящая фамилия – Морозов. А при звуке голоса возникают совершенно противоположные ассоциации. Знойные. Шелест раскаленного песка, потревоженного южным ветром, запах пряностей... Интересно, как он выглядит?

Воображение, разумеется, рисует молодого красавца с бархатными темными глазами и чувственным изгибом губ. Загорелого, атлетичного, с порочным взглядом. Но не удив-

люсь, если загадочный сотрудник окажется страшным как черт заморышем предпенсионного возраста. Скорее всего, именно так и будет.

– Не о том думаешь, балда, – одергиваю себя вслух. – У тебя ребенок не пристроен, куда собралась вообще?

Да что там, мне даже надеть нечего! Бросаюсь к шкафу и принимаюсь перебирать вещи на вешалках. Я так давно не ношу ничего подобного, что и не помню, было ли у меня вообще что-то подходящее.

В итоге когда с прогулки возвращаются мама и Аришка, комната завалена тряпками, а я с отвращением смотрю на свое отражение в старой неудобной блузке.

– Я переодену Арину и поставлю чай, – распоряжается мама. – А ты пока убери весь этот бардак, будь так добра.

8.

За чаем ожидаемо следует допрос. Как обычно, выкладываю все как есть – с мамой не забалуешь. Даже Аришка в ее присутствии глушит попный мотор и временно превращается в паиньку.

К счастью, идею с трудоустройством она одобряет. Более того, хвалит меня, что все-таки решилась, а ведь мамину похвалу за просто так не получишь. Но после выдачи моральных пряников сбрасывает с небес на землю.

Для этого ей понадобилось задать всего лишь три вопроса.

– Уже нашла, с кем оставить Арину?

– Деньги есть на первое время?

– Вы со Стасом решили что-нибудь?

Нет. Нет. Нет. Не нашла, не решила и не сделала. Но ведь меня и на работу пока что не взяли, еще успею подготовиться, если вдруг повезет.

А со Стасом... Все сложно. Гораздо сложнее, чем я думала. Но об этом молчу – не признаваться же, что я снова почти не спала, так тоскливо было ночью от одиночества. Что пила валерьянку. Включила в ванной свет и оставила узкую щель, чтобы казалось, будто в квартире кто-то есть...

– Мы решили пока пожить отдельно, – мямлю, начав отвечать с конца. – К тому же Наташа предупредила, что у них там начальник немного с придурью: не берет разведенных.

Так что...

– Ну почему же с придурью? Даже суд дает супругам срок для примирения... Ладно, дочь, это все лирика. Я в ваши ссоры вмешиваться не собираюсь и уговаривать больше не стану – тебе жить.

Жить... Жить как-то надо, учиться все-все делать самой, а это трудно, оказывается. Незаметно для себя я от этого отвыкла. Быстро стала домашней, занялась бытом и доверила остальное мужу, а в итоге ему наскучила.

Мама велит не распускаться и неожиданно предлагает помощь. Говорит, что сама может посидеть с внучкой месяц или два, пока я не пройду испытательный срок и не начну стабильно получать зарплату.

– Но ведь ты всегда говорила, что мой ребенок – это только моя ответственность! – не удерживаюсь от удивленного восклицания.

Она пожимает округлыми плечами в ответ. В последние лет пять она заметно располнела, но ее это не портит. Наоборот, выглядит как холеная сытая кошка, к тому же заметно моложе своих ровесниц.

– Да. А ты – мой ребенок. И сейчас попала в сложную ситуацию. К кому еще тебе идти, как не к маме? – Подхватывает пробегающую мимо Аришу и усаживает к себе на колени. – К тому же вот этому ребенку не помешает немного строгости, иначе ты совсем ее разбалуешь.

Возможно. Но от бабули дочка вечно возвращается с ще-

ками как у сытого хомяка и новой игрушечкой. Или шариком. Или в платье как у принцесс. А еще бежит к ней в гости быстрее собственного визга, жаль, что такое счастье выпадает не так часто как хотелось бы.

Так что подозреваю, что-то с этой строгостью не то. Ну и пусть, я не против, чтобы мою сладкую булочку все на свете баловали. Тем более теперь.

Из глубины мыслей проржавевшей лодкой всплывает тоскливое слово "сиротинушка" и тащит за собой груз вины весом в тонну. Я лишила ребенка отца...

– Юля, соберись и возьми себя в руки! – командует мама, щелкнув пальцами у меня перед носом. – Ты и на работе будешь сонной мухой бродить? Тогда и суетиться не стоит – вылетишь после первого же дня!

– Ты права. Надо сосредоточиться на том, что важно прямо сейчас, – бормочу в ответ. – А сейчас у меня две проблемы: нет места в шкафу и нечего надеть.

– Выкинуть давно пора половину того, что у тебя там в шкафу. Понапокупаешь вечно балахонов и носишь, пока на тебе не развалятся!

Где-то я уже подобное слышала. Видимо, в чем-то она права. Но зачем мне вещи на выход? Куда выходить? Выбирала по потребностям, недорогое и удобное.

В итоге мы втроем отправляемся по магазинам. Ариша только рада – она обожает бегать по коридорам, кривляться на публике и рассматривать витрины.

Мама силой затаскивает меня в отделы, которые обычно по дуге обхожу: мы не можем пока себе позволить тратить такие суммы на тряпки.

– Это твой Стас не может себе позволить прилично одевать жену, – ехидничает она. – А я могу немного потратиться на дочь и внучку. Не так часто ты обращаешься ко мне за помощью.

– С тех пор как я стала взрослым самостоятельным человеком, я не считаю нормальным клянчить деньги у родителей, – парирую я, но получаю насмешливый взгляд.

– Ну-ну... Девушка, мы возьмем эту юбку, брючки и к ним пиджак, – говорит она продавщице.

– Юбку-то зачем? На мне и старая хорошо сидит, темно-синяя, в облипочку, помнишь?

– Отнеси ее на помойку, такое уже десять лет как не носят. И не спорь – кто платит, тот и выбирает, договорились?

С тобой спорить – себе дороже. Я-то знаю, что под личиной вальяжной и доброжелательной дамы скрывается кремень. Тем более и она знает, что никакая я на самом деле не самостоятельная, лишь мечтала таковой стать.

А на деле чуть ли не сразу же после того, как меня перестали обеспечивать родители, начал обеспечивать муж. Выходит, в жизни собственноручно заработанного рубля не потратила.

Интересно, каково это – иметь свои деньги и ни перед кем за них не отчитываться? Ни у кого ничего не просить. Здо-

рово, наверное.

Когда мы покидаем торговый центр, я стараюсь не думать об общей стоимости покупок. И это я еще самым необходимым ограничилась: юбка, брюки, пиджак и две блузки. От туфель наотрез отказалась – у меня есть черные на шпильке, всего один раз обувала.

Зато чувствую себя гораздо спокойнее. Все готово, могу хоть завтра на работу выходить. Главное, чтобы взяли, а там все сделаю, чтобы удержаться. Что бы ни было, унижаться и выпрашивать каждую копейку у Стаса не стану.

9.

Кто бы знал, что о своем жмотстве я очень сильно пожалею. Когда наступает важный день, прибываю в громадину “Ренессанса” при полном, как мне казалось, параде. Качественные вещи по фигуре. Легкий макияж. Волосы собраны в аккуратный гладкий узел.

А туфли, как оказалось, трут. И жмут невыносимо, сволочи, как я могла забыть об этом? И дома незаметно было, когда примеряла...

Мысленно кляня себя за прижимистость (ну почему сразу не выбросила!), дожидаюсь Наташку у лифта, стараясь не переминаться с ноги на ногу. Ничего. Это ведь ненадолго. Не заставят же меня дефилировать по коридору или перед начальством лезгинку танцевать.

Надо просто немного потерпеть. И улыбаться. Улыбаться и терпеть, не подавая вида – не этому ли я так долго училась в браке?

Матово поблескивающая дверь сдвигается, и Наташка втаскивает меня внутрь, прежде чем успеваю “привет” сказать. Кабина мягко, но с ощутимым ускорением срывается с места. Вокруг все сверкает металлом и зеркалами. Ни единого пятнышка.

– Лифты тут скоростные, тошнотные, – извиняющимся тоном объясняет подруга. – Каждый раз чувство, будто что-

то отрывается внутри. Но ничего, со временем привыкнешь и перестанешь замечать... Ох, Юлька, как же я хочу, чтобы ты сюда устроилась! Представляешь, вместе будем работать!

Ну, не совсем: пожелав мне удачи, она выходит на двадцатом этаже. Я же поднимаюсь на предпоследний, двадцать третий. Выше только технический этаж и ресторан с обзорными площадками.

Здесь находится царство их таинственного босса, совладельца этого здания, развлекательного комплекса и много чего еще. Его кабинет. Приемная с девочками-администраторами, одной из которых мне предстоит стать. Личные помощники. Замы и их секретарши...

Внутри – сдержанная роскошь. Ультрасовременный хайтек, все для комфорта, от неброских разноуровневых светильников до увлажнителей и очистителей воздуха. Здесь даже дышится иначе. А для успокоения нервов – аквариумы с подсветкой и живые деревья в белых керамических вазонах. Некоторые цветут, на других – оранжевые плоды, похожие на мелкие мандаринки.

Впечатляюще контрастный и неожиданно уютный интерьер, наверняка за один только дизайн-проект кучу денег угрохали.

Следуя подробной инструкции от Натальи уверенно иду по коридору, не озираясь и не замедляя шаг. Тут всюду камеры – я их не высматриваю, но подруга предупредила. Возможно, меня оценивают уже сейчас.

Сворачиваю налево, мельком ловя свое отражение в глянце черного квадрата в стене – дверца шкафа? Скрытое окно? Просто элемент оформления? Сходу не разберешь. Отражение мне нравится: молодая энергичная девушка в деловом костюме.

В приемной моя уверенность резко испаряется. Это что, мать вашу, филиал модельного агентства? Первое, что выхватывает взгляд – синхронные улыбки на лицах двух красоток с безупречным макияжем. Блондинка и русая.

Второе – ноги. Стройные, нереально длинные, еще и каблуки сантиметров в двенадцать усиливают впечатление. Обнаженные до середины бедра – подол юбки задрался немного сильнее положенного по дресс-коду. Точнее, бежевого платья-футляра, поверх которого с тщательно продуманной видимостью небрежности наброшен легкий пиджачок с рукавами в три четверти.

Тонкие запястья. Хищные заостренные ногти. Красная помада, длинные черные волосы, явно подколотые губы и татуированные брови. Карие глаза в обрамлении нарощенных ресниц смотрят сперва оценивающе, потом насмешливо.

Почему-то я моментально понимаю – это моя конкурентка, тоже на собеседование пришла. И она-то не покупала для него вещи в последний момент, одолжив деньги у мамы. У нее на сумочке знаменитый логотип, и вряд ли это реплика.

– Добрый день, я Юлия Журавлева, мне назначено собеседование на десять пятнадцать, – стараясь ее игнорировать,

сообщаю улыбчивым девушкам.

Ничего. У нас ведь не конкурс красоты, какая разница, у кого какие ноги и какая сумочка. Хотя... Глядя на этих двоих уже сомневаюсь. И с чего Наташа взяла, что я сюда впишусь? Хорошего же она обо мне мнения.

– Здравствуйте, Юлия! – восклицает русая с таким видом, словно я долгожданный гость. – Присаживайтесь где вам будет удобно. Обычно приглашают строго по времени, у вас есть десять минут – не хотите чего-нибудь освежающего?

– Я пришла на полчаса раньше нее, – капризно ворчит длинноногая красотка. – Очевидно же, что для меня эта работа гораздо важнее. Почему я должна всех подряд пропускать?

– Прошу прощения, но у нас запись. Вас вызовут сразу же после Юлии, ждать придется недолго, – щебечет блондинка ей в ответ.

На лице все та же доброжелательная улыбка. Естественная, будто ей в радость уговаривать взбалмошных девиц. Неужели и я научусь так же?

– Собеседование будет ваш эйчар проводить? – вполголоса спрашиваю у русой.

– Нет, к ней вас пригласят после. Сначала с вами пообщается генеральный директор.

– К ней? А кто же тогда мне звонил?

Серо-зеленые глаза чуть округляются от удивления. Они у нее и так в пол-лица, как у мультяшной кошки.

– Он и звонил. Разве не представился? – говорит она чуть слышно.

– Она даже не знает, куда пришла! – раздается за спиной презрительное фырканье.

Запоздало сожалею, что не посмотрела в интернете информацию о "Ренессансе" и его руководстве. Как-то не до того было. Но ведь и не обязана была, а он свою должность не озвучил, только имя. Или их босс – персона, которую в городе каждая собака знает?

– Не волнуйтесь, – шепчет моя собеседница. – Все пройдет хорошо, я уверена.

Откуда-то из недр просторного фойе раздается приглушенный стук каблуков. Из-за угла выплывает еще одна дева ростом под два метра. Худые бедра обтянуты строгими брючками. Гладкие волосы, короткая стрижка, высокомерный взгляд.

Капризная брюнетка отвечает ей таким же. Меня новенькая и вовсе будто не замечает. Прощается с девушками на ресепшене и уходит, оставляя шлейф аромата дорогих духов.

Немедленно звонит телефон. Блондинка берет трубку, коротко отвечает и сообщает, что меня ждут. Ну, раз ждут, надо идти. От волнения и следа не осталось – предельно ясно, что не возьмут. Они тут все вон какие, куда уж мне...

Кабинет директора просторен и внушителен. Один стол чего стоит – половину нашей спальни займет. И он явно не из ДСП сделан, а мягкая мебель натуральной кожей обтянута.

Вадим Морозов совершенно не соответствует образу, созданному моим воображением при звуке его восхитительного голоса. Правда, он все-таки красавчик, совсем не старый и уж точно не заморыш – плечи широкие и осанка выдает знакомого со спортом человека, даже когда он сидит за столом.

Но вместо знойного темноволосого мачо передо мной абсолютно нордический блондин. Светлые волосы, будто выгоревшие на солнце. Ясные голубые глаза. Крупный прямой нос, мужественный подбородок, резкие скулы. Наташка была права – красота, прямо как с обложки.

– Присаживайтесь, Юлия, – говорит красота. Мое имя в его устах звучит как-то по-особенному. – Не бойтесь, я не стану вас мучить вопросами, это не экзамен. Всего лишь хочу познакомиться.

Хмм, а я совсем не против! Я ведь женщина почти свободная, скоро с мужем развожусь...

Прохожу и сажусь в кресло для посетителей, чувствуя на себе его пристальное внимание. Наблюдает за моей походкой?

– Да, конечно, – произношу, надеясь, что улыбка не выглядит чересчур натянутой.

– О своих профессиональных качествах расскажете непосредственному руководителю, меня интересует не это.

Он откидывается на спинку кресла, продолжая гипнотизировать меня взглядом. В льдистых глазах – вежливое, но холодное равнодушие. Мысленно призываю себя закатать гу-

бу: такие как он таких как я даже на вечерок не снимают.

– Мне важно оценить, какой вы человек в общении. Как движетесь, как говорите. Насколько способны расположить к себе, – продолжает он тем временем. Блин, да о чем я думаю вообще! – Возможно, это звучит грубо и попахивает дискриминацией, но вам же озвучили предлагаемый доход. На мой взгляд, вполне компенсирует... У вас неудобные туфли?

Вот это сейчас было неожиданно! Очередная проверка? Вопрос с подвохом?

– Они новые, не успела разносить. – Возможности подумать нет, так что выбираю честность. – Неужели так заметно?

– Вы скованы, видно, что вам некомфортно. Вряд ли тому виной это кресло. То, что вы называете "разносились", означает "пришли в негодность". Обувь должна быть качественной.

– Я извиняюсь...

– И еще по поводу внешнего вида: вы, должно быть, заметили, что у нас дресс код. Не буду вдаваться в подробности, но предупреждаю: его соблюдение обязательно до мелочей. Вы к этому готовы?

Прощайте, первые несколько зарплат! Придется снова у мамы клянчить. Или идти на крайний шаг и расплачиваться карточкой Стаса. Он обалдеет, если увидит, сколько я начала тратить на шмотки!

– Без проблем, – легкомысленно улыбаясь, говорю я. Чувствуя мелочное удовольствие от шанса немного отомстить.

– Если у вас есть вопросы лично ко мне, задайте сейчас. Не факт, что после будет такая возможность, – предупреждает босс.

Конечно не будет, вы ведь меня не возьмете. У вас вон целый подиум желающих. И, судя по дороговизне одежды и аксессуаров, их сюда не нужда пригнала.

В самом деле, зачем им клиентам кофе подносить? Неужели к красавцу-директору хотят подобраться?

В общем, раз мне тут ничего не светит, попробую хоть любопытство удовлетворить. Будет о чем с Наташей посплетничать.

– Я слышала, вы не берете... Проверяете семейное положение соискательниц. Почему оно имеет столь важное значение?

Мне показалось, или в его лице на секунду что-то неуловимо изменилось?

– Оу, еще один повод упрекнуть меня в неадекватности требований, – отзывается он с насмешливой интонацией. – Да, при прочих равных я предпочту замужних сотрудниц. Они сильнее заинтересованы в стабильной работе и зарплате и ценят соцпакет. У них есть опыт ответственности и поддержка семьи. А еще они не пытаются устроить личную жизнь в рабочее время. Достаточно объяснений?

Все это он говорит так же спокойно и вежливо. Вроде как я нормальный вопрос задала, а такие странные критерии отбора в порядке вещей. Правда, про разведенных ни слова.

Может, все-таки пустые сплетни, зря я напряглась?

– Да. Извините, наверное, я чересчур любопытна. Просто ни разу еще с подобным не сталкивалась.

– Тогда давайте продолжим, у меня сегодня очень плотный тайминг.

Он элегантным жестом встряхивает запястьем, открывая циферблат часов. Смотрит на них, потом снова переводит взгляд в мою сторону. Красивый мужчина все-таки. Породистый.

Ровно пять минут мы разговариваем обо всем и ни о чем. Несмотря на его строгий вид и социальную пропасть между нами, собеседник он приятный, я даже немного расслабилась.

И только когда он делает паузу, чтобы дать кому-то распоряжения по телефону, я понимаю, что во время нашей беседы мысленно не сверялась со Стасом. Не думала, удобен ли ему мой новый график и что он вообще на это скажет. Впервые за несколько лет.

Я поднимаюсь, чтобы уйти, но он жестом останавливает меня. В кабинет заходит... живая Барби, такая красивая, что кажется нереальной. Разве бывают у настоящих женщин такая тонкая талия, такие длинные ресницы и такие пропорции? И эти густые золотистые волосы до попы, вьющиеся на концах – неужели натуральный цвет?

– С собеседованиями закончили, выдай ей скидочные карты и все объясни, – велит Морозов, даже не взглянув в ее

сторону. – Остальные могут идти.

– Одна из девушек просила перенести встречу, у нее... – начинает прекрасная фея, но он перебивает.

– Мне неинтересно, что у нее.

– Вас ждет Ева Егорова, та самая, по поводу которой Андрей Сергеевич звонил.

Босс недовольно морщится. Очевидно, капризная брюнетка чья-то дочка, которую пытаются на теплое местечко пристроить. Или любовница. Без разницы, главное, мои шансы тут трудоустроиться заведомо близки к нулевым. Для чего тогда этот цирк с собеседованиями? Неужели все соискательницы, кроме меня, чьи-то дочки?

– Отправь в кадры, пусть решат вопрос. – Он смотрит на меня. – Вы свободны, спасибо.

Прощаюсь и выхожу следом за девушкой, очевидно, его личной секретаршей. Она идеальная, само совершенство – фигура, походка... И такая невысокая, изящная. Куколка.

– Пройдемте сюда, к моему столу, – приглашает она.

Ее рабочее место расположено в уютном уголке по пути к кабинету начальника. Обзор оттуда хороший, но сам стол в глаза не бросается, полуприкрытый невысокой перегородкой, по верху которой высажены живые растения с узкими острыми листьями.

– Когда вы сможете приступить к работе? Желательно с понедельника, но если не получится, можно и чуть позже.

В смысле?

– А меня что же... Приняли? – переспрашиваю, опешив.

Она поднимает на меня взгляд, слегка удивленный, чуть высокомерный и ни капли не дружелюбный. Совсем не похожая на приветливых девчонок на ресепшене, у своего босса, что ли, манер нахваталась...

– А почему вас это удивляет? – произносит холодно. – Разве вы сюда пришли не для того, чтобы получить работу?

– Нет-нет, просто мне показалось, что все те девушки... Неважно. Извините.

На стол передо мной ложатся пластиковые карточки, визитка и листок с каким-то списком. Барби объясняет, куда и во сколько мне надлежит явиться (в первую очередь сюда же, в приемную) и какие документы взять с собой (перечень в том самом списке).

– На обороте требования к внешнему виду, соблюдайте до мелочей. – Окидывает меня пристальным взглядом. – Ваша юбка подойдет, пиджак тоже. А блузки подберете одного из рекомендованных оттенков. На скидочных картах названия магазинов, лучше одеваться там, они знают наш стиль. Здесь одежда, а тут – обувь, сумки и аксессуары.

Она косится на мою сумку с таким выражением, будто я ее на помойке нашла. Ну да, не новая и не самая модная, но и не дешевка. Нормальная кожаная сумка.

При виде названий отделов, в которые меня отправляют, едва сдерживаю изумленное восклицание. А я еще думала, что мама дорогие вещи выбирала!

– Боюсь, мне это не по карману, – признаюсь с сожалением. Хотела бы я когда-нибудь такое носить, но даже с будущей зарплаты не смогу раскошелиться.

– Для нас есть персональная скидка, очень хорошая. Вы вполне сможете себе это позволить. И макияж – он должен быть, так же как и маникюр. Но не яркий... думаю, вы поняли, о чем я. Есть ко мне какие-нибудь вопросы? Нет? Тогда я вас провожу, можете еще пообщаться с будущими коллегами, они с удовольствием помогут.

Едва мы появляемся в фойе, капризная Ева подрывается с места и устремляется в сторону кабинета директора. Секретарша с невозмутимым видом преграждает ей путь. На секунду кажется, что брюнетка просто-напросто собьет ее с ног – она выше миниатюрной Барби чуть ли не на голову.

Секретарша останавливает девицу взглядом. Впечатляет, похоже, их тут действительно отбирают очень тщательно.

– Прошу вас, идемте со мной, – говорит она спокойно, а лицо Евы искажает недовольная гримаса.

Чья-то протеже явно не привыкла, когда что-то делается не по ее хотелкам. Стыдно признаться, но за этой сценой я наблюдаю с тайным злорадством.

– Меня Вадим Анатольевич ждет, – фыркает она.

– К сожалению, Вадим Анатольевич сейчас вас принять не может, отдел кадров займется...

– Да ты хоть знаешь, кто я? – сузив глаза, угрожающе шипит Ева.

Барби этим, конечно, не проймешь. Еще бы, видала я ее шефа, после него какой-то истеричной дылде слабо ее напугать.

– Разумеется. Мы все знаем, кто вы. Все уже готово, вас ждут.

Еще пара слов – и она уводит злую Еву. Девчонки-администраторши тут же принимаются радостно мне улыбаться.

– Он тебя взял? Как здорово!

– Я знала, что выберут именно тебя!

– Но почему? Я ведь даже не по знакомству, – удивляюсь я. – То есть, по знакомству, но не такому... А другие...

– Они красивые конечно, но ты милая, а мы должны производить приятное впечатление, – сообщает русая. – Я Аня, а это Мила. Иди сюда, мы тебе все покажем, пока время есть.

Они и вправду милые, не поспоришь. Прямо обезоруживающе – из тех, кто способен успокоить разъяренного клиента одной улыбкой. Возможно, у меня тоже есть такой талант. Скрытый. Будем надеяться, что Вадиму Анатольевичу виднее.

10.

Вечером звонит Стас. Достаточно взглянуть на экран телефона, где высвечивается его вызов – и вся моя эйфория испаряется без остатка. Одергиваю себя – рука сама потянулась ответить, ведь он не любит, когда беру трубку не с первых гудков.

Просто смотрю, пока телефон наконец не умолкает. Но через пять минут он звонит снова.

Отключить? Отправить контакт в черный список? Глупо. Мы все-таки взрослые люди. У нас дочь. Он имеет право звонить, как минимум, чтобы поинтересоваться, все ли с ней хорошо. И я сдаюсь.

– Привет, родная. Не занята? Удобно сейчас разговаривать?

В голосе беспокойство и что-то похожее на нежность, ни намека на раздражение. Надо же, каким он умеет быть вежливым и терпеливым!

– Нет, не особо. Что-то случилось?

– Да не то чтобы... Я бы хотел пригласить тебя в выходные в гости, вас с Аришкой. То есть не я, родители. Ну и я тоже, конечно. – Делает паузу и подпускает в голос печали. – Мама соскучилась, давно внучку не видела. И вообще переживает. Приедешь?

Могу себе представить. Свекровь у меня женщина чув-

ствительная, для переживаний ей особый повод не нужен. А тут такое. Зачем он родителей во всю эту грязь втянул!

– Стас, ты с головой дружишь? Или привык чуть что сразу мамке бежать жаловаться? – рявкаю, и не пытаясь сдержать эмоций. – Чего ей наговорил?!

– Ну а как я должен был объяснить, почему решил пожить у них какое-то время? Она бы себе еще хуже напридумывала.

– Ты переехал к родителям?

– А куда я по-твоему должен был переехать? – переспрашивает обиженным тоном.

Очередная уловка, чтобы я почувствовала себя виноватой. Будто это перевесит его косяки.

– К Денису, например, – язвлю в ответ, подразумевая, конечно, другое.

Он лишь вздыхает, давая понять, что не собирается комментировать очередную сказанную мною глупость.

– Что сделано, то сделано, нет смысла еще из-за этого ссориться. Лучше скажи: ты приедешь? Что маме ответить?

Отношения со свекрами у меня замечательные. Да что там – они часть моей семьи, вторые родители, от одной мысли о ссоре с ними горько на душе. Надо ехать. Раз так вышло, лучше сама объяснюсь, прятаться не стану. И откуда это чувство вины, я же ни в чем не виновата...

Мы заканчиваем разговор. Стас наверняка доволен – все снова будет так, как он решил. А у меня мысли в раздрае, вместо радости от неожиданной победы возвращается упад-

нический настрой. Стыд, обида, нехорошие предчувствия.

Я опять плохо сплю – когда Аришка засыпает и квартира погружается в тишину, душным грузом наваливается одиночество.

Днем немного отвлекает суета, ведь столько всего нужно успеть. Удивительно, но я успеваю. Прощаюсь с девчонками в "Непоседах", увольняюсь с фиктивной должности в папиной конторе и забираю трудовую. Папа за меня очень рад, только немного сокрушается, что теперь будем видеться еще реже.

В пятницу возвращаюсь в "Ренессанс". Обедаю с Наташкой, которая все никак не может нарадоваться, что так здорово с работой получилось. Она рвется меня всячески наставлять и опекать, упрашивает дождаться вечера и пройтись по магазинам вместе.

– Я не знала, что девчонкам персональные скидки дают, – говорит, не скрывая зависти.

– Хочешь, куплю там что-нибудь и для тебя. Но не сегодня, у меня еще дел целая гора, прости. В другой раз, хорошо?

– Ты что! Ни в коем случае так не делай! Вряд ли они будут это контролировать, но наглеть все же не надо.

– Не волнуйся, я не собираюсь по той карте всю свою родню одевать, – успокаиваю я ее. В самом деле, и в мыслях не было. – К тому же и со скидкой будет слишком дорого. Можно найти вполне приличную одежду, которая впишется

в ваш дресс-код, и по приемлемой цене. Не понимаю, зачем простой секретарше переплачивать за брендовые шмотки.

Наташа косится на меня снисходительно и заявляет, что пора бы вспомнить, что я женщина, а не бытовой прибор.

– Вот примеришь по-настоящему качественные вещи – сама поймешь разницу. И почему девушки готовы месяц есть пустые макароны, лишь бы купить бренд, а не китайский ширпотреб за три копейки.

Она оказалась права. Разницу я вижу, едва переступив порог магазина. Здесь даже продавцы одеты лучше меня, а про цены и спрашивать-то страшно. Зато обслуживание на высоте: вокруг меня чуть ли не хороводы водят. На робкую просьбу подобрать что-нибудь, что не пробьет в нашем бюджете бездонную дыру, мне приносят целый ворох одежды.

Шикарной: сидит безупречно, цвета мне очень идут, даже те, которые сама бы и примерить не рискнула. В итоге я без зазрения совести расплачиваюсь картой Стаса, тем более, скидка и вправду вышла существенная.

Его вечернего звонка я ожидала. Раньше я ни за что бы не потратила такую сумму без спроса, должно быть, он злой как собака. Поэтому начинаю говорить первой, пока не начал орать.

– Мне потребовалось срочно обновить гардероб. Полностью, я же давным-давно ничего приличного не покупала. А на новой работе дресс код. – И добавляю на всякий случай: – Если для тебя это чересчур дорого, верну с зарплаты.

– Милая, разве я тебя упрекаю? – говорит он укоризненно, и я понимаю: снова подловил. И скандал не он начал, и оправдываться мне все же пришлось. – Я звоню уточнить: завтра у нас все в силе?

Да, разумеется. Насколько я знаю свекровь, она уже весь дом на уши поставила, готовясь к нашему приезду.

Стас младший сын, поздний. Родители у него пенсионеры уже. Оксана Степановна – идеальная хозяюшка и образец гостеприимства, та самая добрая бабушка с пирогами, которую в детских книжках изображают. Даже если явиться к ней без предупреждения, она быстренько подсуетится - и стол будет ломиться от блюд и разносолов.

Говорят, мужчина подсознательно ищет жену, напоминающую его мать. Я ведь примерно к такой ролевой модели и стремилась: на первом месте дом, семья, уют.

Так чего же ты ищешь? Чего тебе не хватало, свинья ты такая?!

– А насчет денег – я сказал, что буду вас обеспечивать, и от своих слов не отказываюсь. Но ты, пожалуйста, предупреждай о существенных расходах, ладно? Просто чтобы я мог прикинуть, что и как.

Не удержался-таки от упрека. Пусть завуалированного, но все же. Вдруг мы его обездолим, растранжирим все, что непосильным трудом нажил. Вроде бы пустяк, но все равно противно становится.

Ничего. Выйду на работу – верну ему карту. Обойдусь

как-нибудь.

Квартира Журавлевых-старших встречает чистотой, запахом выпечки и тем особым уютом, который бывает только в доме дружной и любящей семьи. Свекровь сперва бросается обнимать Аришку, потом меня.

Она искренне рада, и свекор тоже, но глаза у обоих печальные и как будто бы виноватые. Или мне просто кажется. Так хочу до совести их сына достучаться, что невольно на этих милых людей вину перекладываю, а ведь они не меньше меня переживают.

– Пойдемте скорее, я сейчас вас буду кормить, – воркует Оксана Степановна.

Торопится усадить за стол, будто мы с голодного края. Она всегда такая, только дай накормить кого-нибудь. И только посмей все, что есть на столе, не попробовать – расстроится, решит, что не вкусно.

Ну и конечно еще и с собой сумки дадут. С пирогами и соленьями – вон они, банки, выстроились уже вдоль плинтуса наизготовку, поблескивая пузатыми боками. У свекров ко всему прочему есть еще и дача, маленький домик и двадцать с лишним соток сада и огорода. Так что заготовками собственного производства нас снабжают исправно.

Мы не спеша трапезничаем за беседой о семейных делах. Услышав, что я выхожу на работу, свекор хвалит, а свекровь почему-то жалеет. Наверное решила, что не от хорошей жизни меняю спокойное и размеренное существование домохо-

зяйки на офисный серпентарий.

В чем-то она права, конечно.

Здесь и сейчас я понимаю это особенно четко. Ведь все как всегда – мы втроем в гостях у родителей, и они нам рады. Все те же разговоры, мои любимые вареники с вишней, и для чая принесли все те же парадные чашки с золотым ободком.

Так хочется притвориться, а потом и вовсе поверить, что ничего не случилось, то был сон, выдумка, рассказанная кем-то история. Про кого-то другого, не про нас.

Поглядываю на Стаса украдкой – Ариша так и льнет к нему, соскучилась. И я тоже скучаю, как же я безумно скучаю по нему! Быть может, не стоит торопиться: соскучусь еще немного и сумею простить?

Представляю, что скажет на это Наташка. Если вообще после такого поступка будет со мной разговаривать. А мама? Одобрит, наверное...

Но зато эту, вторую свою семью я не потеряю. А потом плохое забудется, и у нас опять все станет хорошо. Как раньше. Ведь хорошо же было!

Свекровь как обычно хлопочет, не в силах подолгу усидеть на месте: то подносит, то уносит, то ставит чай. Еле напросилась помочь ей прибрать со стола, чтобы освободить место для сладких пирогов и варенья.

Стоит нам остаться наедине, как нервы ее сдают.

– Юленька, прости меня, если сможешь, за этого паскудника! – умоляет она дрожащим от подступающих слез голо-

сом.

– Оксана Степановна, вас-то за что?

– За то что сына человеком воспитать не сумела. – Всхлипнув, вытирает мокрую щеку. Милая. Она ведь правда вся извелась. – Уж вроде и старались, чтоб не хуже чем у людей было. Сами с его отцом всю жизнь душа в душу, ни разу голос на меня не поднял, в кого он только уродился такой...

– Ну что вы, ну не плачьте. А то я тоже сейчас расплачусь.

Не выдерживаю, сажусь рядом и обнимаю ее подрагивающие плечи. Когда через некоторое время в кухню заглядывает свекор, мы обе ревем в три ручья.

– Вы чего это? Ксюша, опять сырость развела? – бормочет он растерянно. – Юля, ты это дело прекращай!

– Виктор Павлович, простите, – всхлипываю я и размазываю слезы протянутой им хрусткой белой салфеточкой. – Пришла в гости, называется...

– Ой, Вить, да что ж такое делается... – Оксана Степановна прерывается на полуслове, машет рукой. Действительно, что тут скажешь.

Свекор ставит на стол чашку с водой и достает аптечный пузырек из шкафа. Капает из него на кусочек рафинада. Кухня наполняется резким сладковатым медицинским запахом.

– А вот я тебе корвалольчику. Юляш, давай-ка тоже накапаю.

– Нельзя, я же за рулем. А там в составе какой-то препарат, который чуть ли не месяц потом анализы показывают, –

отнекиваюсь, стараясь не морщиться.

– Иди ты! – удивляется свекровь. – А мы и не знали. Вот ведь что творят, лишь бы деньги с людей содрать!

В дверях появляется Стас. На запах пришел, наверное. Переводит обеспокоенный взгляд с матери на меня. Неужели стыдно стало? Вроде непохоже...

– Что случилось? – спрашивает он. – Я могу чем-то помочь?

– Ой, уйди. Ты уже наделал дел, – хмурится Оксана Степановна.

Виктор Павлович берет его под локоть и уводит. Слышу из коридора, как просит за Аришкой присмотреть. Мы с матерью Стаса снова остаемся наедине, и мне почему-то неловко.

– Ты, Юль, не переживай, отец-то ему мозги вправит, – говорит она, успокаиваясь. – А у нас строго, никаких гулянок. Домой по часам, и когда куда идет – отчитывается. Так и сказала, если забалуешь – мигом за дверь выставлю, нечего.

– Вот зачем вам эти хлопоты? – вздыхаю устало. – Он мальчик взрослый, самостоятельный. Вполне способен принимать осознанные решения. Раз решил именно так, что теперь поделаешь.

Просто взял и разом все перечеркнул, все, что год за годом строили. Эта Лена для него оказалась важнее, получается. Чем я, наша семья, такие вот посиделки в кругу дружной родни. Чем дочь, которая любит его всем сердцем.

А он тетю Лену любит. Только смелости не хватает честно нам всем в этом признаться...

Хотя может родителям и рассказывал, не стану же я спрашивать. Они пока что против, конечно, но со временем смирятся. Была у них Юля, станет Лена, их семья снова будет полной. Это моя разрушится.

11.

Зря я боялась проспать с непривычки. Проснулась в четыре утра, и все, как отрезало. В голову сразу полезли всякие тревожные мысли, пришлось встать пораньше, все равно не уснула бы.

Понедельник приветствует меня пасмурным небом и противной мелкой моросью. Погода прямо под настроение – после вчерашних посиделок на душе тоска. А ведь сегодня мой первый рабочий день. Надо бы взбодриться, настроиться, но ничто не помогает от апатии.

А может оно и к лучшему, нервничать меньше буду.

И вообще, пора учиться находить во всем позитив. Говорят, обнаружить его можно в любой ситуации, если поискать как следует. Вот, например, эта бессонница. Вроде бы как нельзя некстати, а с другой стороны – время появилось, чтобы тщательно подготовиться и не спешить.

Принимаюсь за макияж и понимаю – это время совсем не лишнее. Краситься я почти разучилась, оказывается, а ведь когда-то за минуту идеально ровные стрелки на веках рисовала, и тушь не склеивала ресницы как сейчас.

Чтобы разбудить и одеть Аришку тоже приходится повозиться. Сперва она никак не желает просыпаться, все норовит привалиться ко мне и засопеть. Когда наконец получается ее растормошить – начинает обиженно хныкать.

Не понимает, зачем мама мучает ее, куда тащит ни свет ни заря. Мне ужасно ее жалко и стыдно, ведь и объяснить ничего не сумею, моя девочка еще слишком маленькая. Она обязательно меня поймет, когда подрастет, я уверена. Но сейчас чувствую себя предательницей.

– Не выдумывай глупостей, – ругает меня мама, когда я отвожу к ней Арину. Бросаю мою малышку на весь день. – Ребенка рано или поздно приходится приучать к режиму, никуда от этого не денешься. Зато когда в сад отдашь – легче будет. И днем уложу ее без капризов, правда, солнышко?

Мама провожает меня, все еще держа ее на руках. Желает удачи. Говорит, что в меня верит. Пока еду к "Ренессансу", приходит сообщение от отца – тоже с пожеланиями успехов на новом месте. Наташа и вовсе позвонила чуть ли не одновременно с будильником, чтобы я точно не проспала.

А вот Стас не звонит и не пишет. Ни сегодня, ни вчера вечером по этому поводу ни слова не сказал. Вообще ничего про новую работу не спрашивал. Подозреваю, он просто-напросто забыл, что я выхожу в понедельник.

Сама не знала, что это окажется так важно. И так обидно. Тем более, он ведь был рад, когда мы приехали. Все никак отпускать не хотел. Уговаривал звонить хоть иногда, обещал в следующие выходные на целый день свозить Аришу на аттракционы, чтобы я могла отдохнуть и переделать дела...

Ладно. Черт бы с ним. Не буду о нем думать, не заслуживает. Тем более в первый рабочий день.

Суета офисной жизни захватывает, едва переступаю порог. Девчонки хвалят меня за то, что пришла без опоздания, и зовут пить кофе, пока никого из руководства нет.

– А вы всегда так рано приходите? Или здесь правила такие? – интересуюсь на всякий случай.

Я-то выехала пораньше, с запасом, вдруг пробки или Ариша заартачится, не захочет отпускать маму. До начала рабочего дня пятнадцать минут, а они уже на месте, мониторы светятся, все включено и подготовлено.

– У нас очень строго с опозданиями, они ни на минуту не допустимы. Вот и приучились приезжать к без двадцати, – объясняет блондиночка. Мила. Ее вроде Мила зовут. – Успеваем спокойно попить кофе и поболтать. А если опоздаем – больше шанс, что все-таки явимся в самом начале дня.

– Начальству приятно, когда они приходят – а мы встречаем. Да и вообще всем приятно, – говорит вторая. Аня. – Мы стараемся каждому улыбаться, сказать что-нибудь хорошее. Нас ведь все любят.

– Серьезно?

В жизни не поверю! Таких, как они, коллеги женского пола обычно тихо ненавидят и распускают сплетни за спиной. Девушки слишком красивые. Слишком молодые. Слишком приближены к руководству. Слишком хороши, короче.

– Конечно. Это часть нашей работы. Теперь и твоей. – Аня щурит зеленоватые кошачьи глаза. Сегодня она подчеркнула их цвет тушью с чуть заметным изумрудным оттенком. –

Готова стать душой очень большой компании?

– Не уверена, что смогу. Но я попробую.

Произнеся это, вспоминаю, что могла ведь. И не так уж давно, просто в другой жизни. Другая я, Юля Серова, королева студенческих вечеринок. Та, которая с легкостью затевала веселье всюду, где бы ни появлялась. Проболтав с которой полчаса люди испытывали чувство, будто много лет с ней знакомы. Которую всюду звали, везде обожали, у которой было множество друзей и поклонников...

Я без сожаления променяла их всех на тихую семейную жизнь рядом с любимым человеком. А теперь, когда она рушится, придется меняться опять.

– Эй, ты чего? Испугалась что ли? Все будет хорошо, мы поможем! Тем более гендира до конца недели не будет, – сообщает Мила и ставит передо мной чашку капучино.

На пенке нарисовано аккуратное сердечко – надо же, она и это умеет.

– Да, и Ясень Церберович с ним. У нас не неделя будет, девочки, а чисто курорт! – восклицает Аня и откидывается на спинку стула.

Поймав мой удивленный взгляд, уточняет, что босс уехал за границу на международную выставку. Личную секретаршу и первого зама взял с собой.

– М, понятно, – киваю вежливо. – Но меня больше интересует, кто такой этот Церберович. Неужели вправду так зовут?

– Только за глаза! И ты этого не слышала, – смеется Аня в ответ. – Ты сама с ним скоро познакомишься и все поймешь. И вообще освоишься – так-то у нас люди хорошие, в целом адекватные.

– Главное, с начальством сработаться, – решаюсь озвучить свои сомнения. – Мне показалось, что ваш босс... он... довольно строгий.

Не буду же говорить, что с причудами – сплетничать про него в первый же день как-то совсем уж наглость.

– Для начала с его помощницей наладь контакты, вот у кого характер. И пересекаться с ней будешь чаще, чем с гендиром. Не так страшен босс, как его малютка!

– Ну что ты нагнетаешь, – укоряет Мила. – Юля в порядке. Справится.

Она поднимает кофейную чашку, Аня повторяет жест, и мы чокаемся, осторожно, едва соприкасаясь краями.

– Добро пожаловать в коллектив!

А Стас так и не позвонил. Написал, уже поздно вечером. К тому моменту я вернулась от мамы, с которой мы отметили начало моей карьеры чаем с тортиком. Позанималась с Аришей, почитала ей сказку на ночь.

С удивлением осознаю, что мне в кои-то веки не нужно готовить: мама вернула внучку накормленной под завязку. Трехразовое питание, моих возражений и слушать никто не стал. Самой ужинать не хочется, а на завтрак хватит чашки кофе с печенькой, и ту можно на работе перехватить.

А еще не нужно гладить рубашки. Мыть полную раковину посуды, предварительно собрав брошенные где попало чашки из-под чая и пустые тарелки.

Самой мне ничего этого не надо. Одежда приготовлена заранее на всю неделю, и для меня, и для дочки. Бардак устраивать некому – квартира такая же чистая, какой я ее оставляла, уходя.

Получается, одинокой матери домохозяйка не требуется. Добрая часть моих бытовых хлопот была посвящена одному единственному человеку. И теперь, когда он ушел, все стало легко и просто.

– Не ходите, девки, замуж, – напеваю себе под нос, снимая остатки макияжа ватным диском.

Лицо сразу кажется бесцветным, простеньким. Пожалуй, заведу новую привычку и буду краситься всегда, когда выхожу из дома. Даже если всего лишь вынести мусор иду.

Сообщение от мужа читаю не сразу – он же не торопился.

“Привет, родная!” - пишет Стас.

Интересуется, как мои дела. Как Арина. Пишет, что он нас обеих целует.

Я отвечаю: “У нас все хорошо”. И перевожу телефон в режим “не беспокоить”.

А потом выходит так, что мне первой приходится ему звонить. Нас приглашают на детский день рождения. Всех троих. Правда, произнеся “вас со Стасом”, приятельница запинается и добавляет: “если получится, конечно”.

День рождения отмечают в четверг вечером. Мне понадобилось сделать крюк, чтобы заехать к маме за Аришей, а потом еще стояли в пробке. Хорошо хоть торговый центр в соседнем здании, и подарок я успела купить в обеденный перерыв.

Мы приезжаем последними. Гости в сборе, взрослые расселись за столом, детей развлекают аниматоры.

– Извини, что так поздно, – говорю, обнимая маму именинника. – Пробки, еще и Ариша расхныкалась, долго собирались.

– Ничего страшного, мы только сели. Стас сказал, ты на работу вышла? – спрашивает она, и я киваю в ответ. – Молодец, поздравляю! Что с Ариной думаешь – в садик на очередь встали или не будешь отдавать?

Раньше не хотела, пусть и понимала, что лучше отдать – социализация важна для ребенка. Но сейчас просто нет выбора.

Мы немного болтаем о детских садах, документах и медицинских справках, пока не появляется Стас.

Как всегда, выглядит он прекрасно. Чуть растрепанные от ветра волнистые каштановые волосы, небрежно расстегнутая пуговка рубашки поло. Белозубая улыбка – так и тянет улыбнуться в ответ. В руке высокий бокал со светлым пивом. Такой свой в доску парень, всеобщий любимчик.

– Дорогая, наконец-то вы приехали! Я уже волноваться начал, – говорит он и целует меня в щеку.

Улыбаюсь. Никому не нужно знать о наших проблемах. Хотя... Судя по внимательным взглядам и тому, как они поспешно отводят глаза, все уже знают.

Украдкой высматриваю Лену. Ее нет, кажется. Но у нее и детей вроде нету, здесь ей делать нечего. Наташи тоже не будет – у близнецов карантин из-за ветрянки. Так что спросить, кто кому что насплетничал о нашей ссоре, не у кого.

Мы садимся за стол. Едим, те, кто не за рулем, выпивают, общаемся. Обычные дружеские посиделки, ничего не изменилось – но только на первый взгляд.

Проблема возникает неожиданно, когда начинают обсуждать грядущий день рождения Иры, жены Дениса. Лучшего друга моего мужа.

– Короче, даю вам неделю, чтобы все определились, – объявляет Денис. – Кто едет, кто не едет, кто с ночевкой, а кто так.

Они планируют снять пару-тройку домов на базе отдыха где-то у озера. Шашлык, рыбалка, пляж и прочие радости. Заехать на все выходные, разумеется, семьями.

Ирина вдруг смотрит на нас с таким выражением, будто ей очень неловко. А я жду, пригласит ли она меня лично или нет, обычно о таких мероприятиях наши мужья между собой договаривались.

– Юль, ты как? Сможете с Ариной выбраться? – наконец спрашивает она.

– Пока не знаю, если только на день. Как с работой полу-

чится.

Не отказываюсь, но и не соглашаюсь. Мы ведь все еще друзья, и наши там почти в полном составе соберутся. Наверное, поеду, если Наташка с мужем будут. И если не будет этой дряни, которая влезла в мою семью.

Чуть позже спрашиваю Стаса напрямую. Он обещает договориться с Денисом. Уверяет, что все пройдет нормально. Что мне необязательно сидеть взаперти и лишать себя общения из-за этой идиотской ситуации.

– Это ведь и твои друзья тоже. А я хочу побыть с Ариной, я по ней скучаю. Ты ведь мне ее на выходные не отдаешь.

– Потому что она и так целыми днями не дома, – возражаю я. Еще чего не хватало. – Мы ведь все обсудили, не начинай.

– Ладно, я все понимаю, – говорит он и смотрит мне в глаза. Печально так смотрит. – Я ведь и по тебе скучаю. Давай хотя бы так видеться, идет?

Молча киваю. Он прав, надо куда-то выбираться. Не сидеть в пустой квартире, маясь от одиночества. Мы ведь адекватные взрослые люди и можем нормально общаться. Хотя бы попробовать – слишком многое нас связало, того, что обоим дорого.

12.

В пятницу возвращается начальство в полном составе. К тому времени я успеваю более-менее освоиться и перезнакомиться почти со всеми соседями по этажу.

К нам в приемную частенько заглядывают. Поздороваться, поболтать с девчонками. Оставить какие-нибудь поручения по работе. Предупредить о важных гостях.

Милу и Аню здесь действительно любят. Ко мне пока относятся с вежливой настороженностью – привыкают. Если звонит кто-то из постоянных контрагентов – спрашивает кого-нибудь из девочек. Я не обижаюсь, наоборот, рада, что не приходится отвечать на их вопросы. За неделю я еще не успела толком во всем разобраться.

Но сегодня первой приходит Барби. Холодная и безупречная, она окидывает нас взглядом снежной королевы, коротко здоровается и уходит к себе. Даже намеком на улыбку не удостоила.

Барби на самом деле зовут Ольга. И она высокомерная стерва, кукольная внешность обманчива. Это мне девчонки рассказали.

Она пришла без пяти. Следующий сотрудник является ровно через десять минут. Невысокий, стройный и подтянутый мужчина с острыми скулами, стальной сединой, аккуратно подстриженной темной бородкой. Карие глаза с при-

щуром смотрят цепко и пронзительно, будто видят насквозь. Костюм цвета мокрого асфальта сидит на нем идеально.

Тот типаж, возраст которого трудно определить по внешности. Ему может быть и тридцать, и под пятьдесят.

– Доброе утро, девушки, – отвечает на приветствие Ане и Миле. Глядит на меня вопросительно.

– Это Юля, наша новая сотрудница, – с неизменной улыбкой поясняет Аня.

Мужчина кивает, потеряв ко мне всякий интерес.

– Ясно, – произносит с безразличием. – Когда Вадим Анатольевич появится, сообщите мне, будьте любезны. И напомните о планерке всем, кого это касается.

Аня обещает, что все сделает, и он удаляется, даже спасибо не сказав. А я догадываюсь, что это тот самый Ясень Церберович и есть.

– Почему он Ясень, я кажется поняла, но почему Церберович? – шепотом интересуюсь у Милы, пока мы одни.

– О, скоро и это поймешь, особенно если попадешь под горячую руку, – усмехается она в ответ. – Осторожно с ним. Директор у нас хоть и строгий, но спокойный, голос почти никогда не повышает. А вот на ковер к первому заму лучше не попадать, было дело, до слез девчонок доводил. Его кстати Илья Германович зовут, смотри не перепутай.

– Да ладно, это скорее всего от фамилии придумали, он Церенов, – возражает Аня. – Не бойся, не так уж часто нам приходится выполнять его распоряжения, у него своя по-

мощница есть.

– А сейчас тогда почему он распоряжается?

Почему-то Церберович мне сразу же не понравился. Есть что-то в этом человеке, что заставляет напрячься.

– Потому что мы первые, кого он увидел. Обзвонишь всех по списку? Не волнуйся, им всего-то надо напомнить, что планерка в девять тридцать в переговорной. Пусть к тебе привыкают.

Прежде чем я приступаю, появляется большой босс. Сегодня господин Морозов в черном. Ему очень идет.

Здоровается и задерживает взгляд на мне. Эмоций в этом взгляде прочитать не удается.

– Вы научились пользоваться кофемашиной? – спрашивает он.

Киваю в ответ. Он что, совсем меня за дурочку держит, которая даже этому за неделю научиться не в состоянии?

– Сделайте мне американо.

– Вам крепкий или средний? – переспрашиваю и тут же получаю пинок от Милы. Похоже, гендир лишних вопросов не любит.

– Крепкий, – отвечает он, приподняв бровь. – И побыстрее, будьте так добры.

– Не приставай к Морозову по пустякам, могла бы у Ольги спросить, – шипит Мила, едва он скрылся за углом. – Ну что ты возишься! Давай бегом.

Ставлю на поднос чашку с кофе, блюдце с сахаром и дву-

мя порционными упаковками сливок. Несу все это в кабинет директора, стараясь не расплескать от волнения. Барби провожает меня удивленным взглядом, но ничего не говорит.

Путь к столу босса кажется длинным, как взлетно-посадочная полоса. Во время собеседования я и не заметила, какой все-таки у него огромный кабинет. Кабинетище. Прямо тронный зал, только ковровой дорожки не хватает.

Я иду, вцепившись в края своего подноса, и чувствую, как он неотрывно на меня смотрит. А я смотрю на пол перед собой, не смея поднять глаз. Улыбаться. Мне же надо излучать дружелюбие, быть милой и приветливой.

Через силу приподнимаю уголки губ. Почему так не по себе в его присутствии, я же не в клетку с тигром захожу! Вадим Морозов ничего плохого мне пока не сделал...

– Ваш кофе, – лепечу, ставя перед ним чашку.

От сахара и сливок он жестом отказывается. Собираюсь уйти, но он приглашает сесть на все то же место для посетителей.

– Не волнуйтесь, я не собираюсь вас наказывать за то, что кофе окажется невкусным. – Делает глоток. – Тем более, что вы приготовили его как положено. Меня не надо бояться, и вообще никого здесь – у нас дружный сплоченный коллектив.

– Хорошо.

Он все так же внимательно меня изучает, я – не смею на него взглянуть. Этот человек окружен аурой властности,

невидимой, но ощутимой. Она подавляет, я к такому не привыкла.

– И вам не обязательно улыбаться мне, когда вы этого не хотите. Только посетителям.

– Хорошо, – повторяю, не сообразив, что еще сказать.

Секунды его молчания тянутся невероятно долго. Исподтишка поглядываю на его лицо и вижу легкую усмешку.

– Вы освоились на новом месте? Справляетесь?

– Да, все в порядке. Девушки мне помогают.

– Вот и прекрасно. Идите, Юлия, работайте. Будут какие-нибудь вопросы – обращайтесь к Ольге.

– Спасибо, – говорю я и про себя добавляю: “не надо”.

Почему-то уверена, что личная секретарша гендиректора вряд ли будет мне рада. Судя по всему, держится она особняком, дружбы ни с кем не водит. Еще и высокомерная – как же, ведь с Самим работает.

Морозов наконец меня отпускает, а я так и не поняла, зачем вообще вызывал. Лишний раз полюбоваться? Проверить, вписываюсь ли в идеально подобранный интерьер?

Вернувшись в приемную, успокаиваюсь. Здесь уже все привычно, я понемногу начинаю ощущать это место своим. Обзваниваю сотрудников. Поливаю цветы. Выполняю другие поручения по мелочи.

А потом отправляюсь обедать с Наташкой – к этому я тоже привыкла. Тем более, мы хоть и работаем в одной организации, в другое время не пересекаемся. Она не из тех, кто

часто посещает этаж руководства, по должности не доросла.

– Кто это тут у нас? Неужели новая администраторша? – раздается за спиной насмешливый женский голос.

Мы с подругой стоим в очереди, болтаем и никого не ждем. Люди перед нами оглядываются на голос, но смотрят почему-то на меня. Наташка хмурится. Оборачиваюсь и вижу Еву, ту самую длинноногую злючку, которая претендовала на мое место. Взгляд ее не предвещает ничего хорошего.

– Надо же, ведь нам говорили, что отбор очень строгий и кого попало не берут, – продолжает она, обращаясь якобы к подружке, но глядя при этом в мою сторону. – А взяли какую-то мышь серую.

– Не обращай внимания, – цедит сквозь зубы Наташа, двигая поднос парня, стоящего перед нами.

Отворачиваюсь и молчу. Я как-то совершенно не настроена на ссору, тем более на глазах у коллег. С большинством из них мы еще не знакомы лично, не хочется произвести впечатление скандалистки.

– Может, за нее кто-то по знакомству попросил? – не унимается Ева. Ей явно плевать, что подумают окружающие. – Бедную родственницу решили из жалости пристроить?

Чувствую на себе всеобщее внимание. Даже разговоры затихли. Промолчать? Так она еще дальше зайдет в попытках меня оскорбить. И я отвечаю, спокойно глядя ей в глаза.

– Нет, у меня нет таких влиятельных знакомых. Просто начальству я понравилась больше других претенденток, не

всегда все решают связи. Все-таки лицо компании выбирали, а не просто девочку бумажки перекладывать.

Хм, я попадаю точно в цель – если бы взглядом можно было убивать, от меня бы осталась кучка пепла. Рядом раздается смешок и перешептывания – видимо, капризную девицу пристроили именно на такую вот бумажную работу. И вряд ли коллеги ее сильно любят.

Ее белобрысая подружка тоже растерялась и молчит, хлопает неестественно густыми ресницами, приоткрыв явно увеличенные, точь-в-точь как у Евы, толстенькие губки. В один салон обе ходят, что ли?

Наташка тянет меня за локоть – наша очередь подходит.

– Девочки, не надо ссориться, – мурлычет она успокаивающе. – У нас так не принято, в нашем дружном коллективе.

Опомнившись, Ева вздергивает подбородок и идет брать поднос. Но она не из тех, кто оставит последнее слово за соперницей. Чуть позже, когда мы уже сидим и едим, она подходит и нависает надо мной, оперевшись руками на стол.

– А ты чего это дерзкая такая? – шипит она. Чисто змеища, только хвоста не хватает. – Думаешь, вытянула счастливый билет, жизнь удалась?

– Не жалуюсь, – неторопливо прожевав кусочек форели, отзываюсь я.

– Как пришла, так и уйдешь. Вылетишь со свистом.

– Как бы тебе самой не вылететь, милочка, – угрожающим тоном предупреждает Наташка. – Иди уже, поешь. Или на

диете? То-то я гляжу, злая такая...

– Я предупредила, – фыркает Ева и удаляется, не удостоив ее и взглядом.

Зато Наташа с неприкрытым любопытством смотрит ей вслед.

– Да ты времени зря не теряешь, уже и врага нажить успела. Гляди-ка, пошла! Жопой крутит как пропеллером... А туфли из последней коллекции, между прочим, стоят как чугунный мост. Это кто такая вообще?

Пришлось рассказать подробности моего собеседования. Она выслушивает с живейшим интересом, обещает разузнать, в какой отдел в итоге приняли Егорову, и высказывает сомнения, что это чья-то любовница.

Если только бывшая, ведь ее цель – к боссу подобраться. Я не ошиблась с этой догадкой. Выясняется, что Вадим Анатольевич в настоящее время холост, а втереться в круг его общения вне работы почти нереально.

– В смысле, в настоящее время? – переспрашиваю я. – В обозримом будущем он жениться все-таки планирует?

– Кто его знает. Он уже был женат, сейчас в разводе, может, вообще не планирует никогда, – отвечает Наташка и смотрит насмешливо. – А ты с какой целью интересуешься? Понравился что ли?

– Вот ни разу не смешно, – ворчу в ответ.

Ишь ты, значит, разведенных на работу брать не хочет, а сам... Тоже наверное от жены налево бегал, не от хорошей

жизни ведь она его бросила. Или он ее, ради какой-нибудь вроде Евы. Еще хуже.

– Ладно тебе! И вообще, клин клином вышибают. Ты присмотрись, у нас кроме гендира много молодых холостых имеется. Может найдешь своему таракану замену.

– Не нужна мне замена, от этого бы избавиться, – вздыхаю, и Наташка качает головой.

Но ничего не говорит, к счастью. А я и не рассказываю. Я ее реакцию наперед знаю: снова велит гнать в три шеи и замки поменять. Как будто это так просто...

В воскресенье мы все-таки едем в парк аттракционов. Втроем, я, Стас и Ариша. Он сказал, что дочка ведь и по мне скучает, не видит целыми днями. Что не хочет разлучать меня с ней еще и по выходным.

Мой все еще муж приходит с цветами – огромным букетом бархатных темно-красных роз.

– Это еще зачем? У нас не свидание, – ворчу, отступая на шаг.

– Хотел тебя порадовать, ты ведь любишь розы. Но если не нужны – выброшу в мусоропровод.

Начинать день со скандала не хочется, и цветы, если честно, жалко. Оставляю их в ведерке с водой – нет времени лезть за вазой, убранной в дальний угол шкафа к другим вещам, которыми редко пользуются.

А мы отправляемся выгуливать ребенка. Стас ведет себя

как идеальный муж и отец, аж прохожие умиляются. Он такой обаятельный, что встречные девушки невольно строят глазки. Настолько милый, что я на время забываю о нашей ссоре и с удовольствием болтаю с ним о пустяках, смеюсь над его шутками.

Он абсолютно такой, каким был до свадьбы, в конфетно-букетный период. Тот, в кого я влюбилась без памяти.

На прощание он говорит, что был счастлив провести с нами выходной и что очень скучает. Намекает, что скоро у него существенно вырастут доходы – вот-вот заключит какой-то важный контракт с крупным заказчиком.

Догадываясь, к чему он клонит, быстренько выпроваживаю за дверь. Выхожу из зоны поражения его обаяния и понимаю – все это ложь. Стас всего лишь хочет вернуть все как было, морочит мне голову.

Он ведь и после свадьбы стал другим, а я уже любила его без памяти, старательно подстраивалась, чтобы стать идеальной женой. Больше не хочу.

13.

Понедельник с утра не задался. Ариша, видимо, от переизбытка впечатлений накануне, взялась капризничать. Никак не хотела меня отпускать, в результате я выехала позже и попала в жуткую пробку.

Добравшись наконец до офиса, мысленно благодарю девочек за идею выходить пораньше – я почти не опаздываю, до начала рабочего дня еще пять минут. Хватит, чтобы добраться до приемной, если поторопиться.

Вот и лифт повезло застать на первом – двери как раз начинают закрываться, и я бегу через холл, чтобы успеть. Внутри кто-то есть, нажимает кнопку. Дверь вновь отъезжает в сторону, и перед моим взором предстает Вадим Морозов собственной персоной. Кроме него в кабине никого нет.

Ох, неловко как получилось. Мало того, что он видит, как я опаздываю, так еще и его задерживаю...

Непроизвольно делаю шаг назад. Босс приподнимает бровь, смотрит вопросительно.

– Вы едете? Или передумали?

Захожу внутрь, пячусь в самый дальний угол. Не обращайте внимания, господин директор, я тихонечко постою, ветошью прикинусь. Считайте, что меня тут и вовсе нет...

Лифт трогается с места. Как же все-таки долго ехать на наш этаж. Я раньше не замечала.

Мы молчим. Так тихо, что при желании можно услышать, как гудят мои нервы. А Морозов абсолютно спокоен, равнодушно смотрит на свое отражение в зеркальной стене напротив. Просто стоит, ждет, когда приедем.

Внезапно кабина резко тормозит, мне аж приходится схватиться за поручень, чтобы удержать равновесие. Слишком резко или только кажется? Замирает на секунду и, дернувшись, срывается вниз.

Сердце уходит в пятки – на мгновение чудится, будто оборвался трос. Но лифт останавливается почти в тот же миг. Свет гаснет, только кнопки подсвечены красным, глядят со стены злыми глазами...

– Юлия? Вы в порядке? – голос звучит спокойно и мягко.

– Кажется да, – отвечаю почему-то шепотом. – Нас ведь отсюда вытащат?

Он тянется к одному из красных глаз, нажимает на кнопку вызова. Раздается приглушенный сигнал, потрескивание и искаженный помехами мужской голос нарушает жуткую тишину.

– Слушаю вас.

– Мы застряли, – сообщает босс. В слабом отсвете я вижу очертания его профиля. – Примерно в районе пятнадцатого этажа. У нас погас свет и, похоже, выключилась вентиляция, так что поторопитесь, будьте добры.

От упоминания о высоте, на которой мы находимся, засосало под ложечкой. Воображение рисует кабину, висящую

на тросе в глубокой темной шахте, и мне начинает казаться, будто пол под ногами качается.

И что стало почти нечем дышать – пока Морозов не сказал о вентиляции, я этого не замечала.

– Понял. Сейчас постараемся включить, – обещает лифтер. – Вы только не бойтесь. Все будет нормально, мы вас вытащим.

Очень на это надеюсь. Клаустрофобией никогда не страдала, высоты не сказать чтоб панически боюсь, темноты тоже, но сейчас мне по-настоящему страшно.

Запоздалая мысль, что я могла бы застрять вот так в одиночестве, заставляет содрогнуться. А еще с боссом ехать не хотела...

– Юлия, вы как? Скажите что-нибудь.

– Что-нибудь, – сдавленно пищу я.

Что-то жужжит за стенкой. Загорается свет, моргает и гаснет. Успеваю увидеть его лицо – взгляд устремлен на меня.

В наступившей темноте он приближается и находит мою ладонь. Слегка пожимает ее, а я понимаю, что руки у меня вспотели и дрожат. Стыдно, но ничего не могу с собой поделать.

– Успокойтесь. Всего лишь техническая неисправность. Лифт не рухнет, здесь противоаварийная автоматика. У нас вообще очень надежное здание.

– Вижу, – хмыкаю нервно. – Надеюсь, мне не засчитают прогул?

– Шутите. Это хорошо. Значит, не паникуете.

Оживает связь. Тот же голос сообщает, что с минуты на минуту нам подключат аварийное освещение. Спрашивает, все ли у нас в порядке. Вадим Анатольевич отвечает, что пока да, но если это все затянется, у него сорвется важная встреча.

Он спокоен как удав, прямо до неприличия. Словно застревать на пятнадцатом этаже в обесточенном лифте для него обычное дело.

Наконец включается свет, красноватый и тусклый. Морозов отпускает мою руку не сразу. Некоторое время изучает меня взглядом.

– Ну что, чем займемся? – спрашивает с непроницаемо серьезным выражением.

Невольно вжимаюсь в стену. Так, что чувствую ее прохладу сквозь одежду. А ведь здесь становится жарко. И душно. Или это просто паника?

Он усмехается и снимает пиджак. Что за хрень тут происходит? Разве что клаустрофобом как раз оказался мой босс, и прямо сейчас он сходит с ума.

– Расслабьтесь, – произносит он и небрежным жестом бросает пиджак возле стенки. – У вас такой перепуганный вид, не смог удержаться. Садитесь. Ну же, смелее.

Ничего себе шуточки! Будь на его месте кто попроще, отвесила бы пощечину. Но я лишь молча поджимаю губы и усаживаюсь на самый краешек, оставляя место и для Морозова.

Все-таки он своим пиджаком пожертвовал. Который наверняка стоит как половина моей машины.

Снаружи раздаются голоса, дверь простукивают чем-то, скрежещут по створке. Может, открыть пытаются. Но ничего не выходит.

– Эй, у вас там внутри все нормально?

Босс отвечает, что пока да. Спрашивает, что случилось и сколько нам еще тут сидеть. Те, снаружи, тихо переговариваются и признаются, что своими силами устранить проблему не сумели.

– Мы вызвали ремонтников, потерпите немного. Если что-то нужно – громкая связь исправна.

Спасибо, блин, успокоили! И как, интересно, они это нужное нам доставят сквозь наглухо заклинившую дверь?

Некоторое время они еще возятся, потом уходят. Снова становится тихо. И страшно: ощущение, будто нас тут бросили. Морозов все-таки присаживается рядом, но не слишком близко – деликатный, просто шутит по-идиотски иногда.

– Кажется, мы тут надолго. Угораздило же, – говорит с досадой. Достает телефон и набирает чей-то номер. – Ольга, я в лифте застрял. Да. В нашем офисе. Уже. Выясните, на сколько времени это может затянуться, и откорректируйте мое расписание.

14.

Он так спокоен и непоколебимо уверен в себе, что и я рядом с ним успокаиваюсь. Морозов из тех, кто способен решить любую проблему. Даже больше: кажется, будто проблемы сами собой исчезают в его присутствии, а он идет напролом, обычно их не замечая.

А теперь вот стал жертвой бытовой неурядицы, как простой смертный, и весь его тщательно распланированный порядок нарушен из-за того, что ремонтники где-то катаются и к нам не очень-то спешат.

– Я как-то смотрела фильм, в котором несколько человек застряли в лифте, – вслух вспоминаю я, когда тусклое освещение снова моргает. – А когда гас свет, кого-то убивали.

– Для нас в таком случае все закончилось бы очень быстро, – отвечает он, задумчиво рассматривая кнопки. Цифра двадцать три все еще сияет ярко-красным. – Это “Дьявол” Шьямалана, фильм, про который вы вспомнили. Любите

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.